

Андрей КОРОБЕЙЩИКОВ

The poster features a central figure of a man wearing a detailed wolf mask. The man's face is visible through the mask's cutouts, showing a serious expression and traditional indigenous body paint. He is adorned with a necklace of beads and a feathered collar. The background is a warm, golden-yellow circular motif containing stylized indigenous symbols like suns, hands, and figures. The overall color palette is dominated by earthy tones of brown, gold, and red.

ИТУ-ТАЙ

ПУТЬ СВОБОДНОГО ВОЛКА

Андрей Витальевич Коробейщиков

Иту-тай. Путь свободного волка

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=327192

РИПОЛ классик; М. ; 2010

ISBN 978-5-386-02060-6

Аннотация

Странный человек прибыл в аэропорт Шереметьево. Раскосые глаза его смотрели на столичную суету без эмоций, с леденящим холодом полного равнодушия... Так смотрят темные боги со страниц восточных сказок... Он появился не случайно... и вот уже несколько явно ритуальных преступлений поставили в тупик следователей с Петровки...

Глубокая и тщательно продуманная оккультная графика, оставленная на месте преступления, вела на Алтай, именно там она означала магическую волю шамана. Для того чтобы преодолеть человеческую обусловленность и встретиться со своими демонами, алтайские шаманы-охотники создали тайное искусство ТАЙ-ШИН – «свободный волк».

Содержание

ОТ АВТОРА	4
ВСТУПЛЕНИЕ	6
Эпизод I	8
Часть 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Андрей Коробейщиков

Иту-Тай. Путь свободного волка

ОТ АВТОРА

Автор не претендует на соответствие изложенных фактов официальной науке или общепринятым мнениям, а предлагает исключительно свое видение и свои версии, часть которых основана на личной мистической и обрядовой практике.

Этот роман был создан не как обычное литературное произведение. Целью автора не было заинтриговать читателя или выступить в роли популяризатора тайных знаний алтайских шаманов. Это произведение является Зовом, древним Зовом наших Предков, голос которых звучит сквозь века, чтобы пробудить нас от Великого Сна. Они и сейчас где-то совсем близко, наблюдают за нами, пытаются привлечь наше внимание необычными Знаками и странными Сновидениями. И когда, увлеченные бытовой суетой, мы проходим мимо этих зашифрованных посланий, Духи прячутся между страниц книг, которые мы еще читаем. Они скрываются между строк, надевая маски героев повество-

вания, и говорят с нами их голосами. Прислушайтесь, и вы услышите, что они говорят именно с вами...

ВСТУПЛЕНИЕ

Древний символ Алтая – Три Горы и солнце, сакральный знак мистической прародины. Две видимые горы – «Два Брата», ИТУ-ТАЙ, – принадлежат этому миру, являясь воротами к Третьей Горе, невидимой для обычного взора. Существует легенда, согласно которой для того, чтобы обрести истинную Свободу, необходимо миновать не только видимые горы, но и Третью Гору, где, став крылатым, можно взмыть в безграничное Вечное Небо. Но пройти их не просто. Для этого нужно преодолеть свою человеческую обусловленность и встретиться со своими демонами – тремя врагами, по одному на каждую Гору. Для того чтобы сделать это, алтайские шаманы-охотники создали тайное искусство ТАЙ-ШИН – «Свободный Волк». Эта книга описывает прохождение Первой Горы и встречу с первым врагом, выстоять в битве с которым может только Воин...

Алтай. Овеянный мифами и легендами священный край. Далекая цепь гор, окутанных мглистыми туманами, и зеленая лента тайги, пересекаемая тонкой бирюзовой полоской реки. Безграничное небо ярко-синего цвета, глубокое, будто океан, не имеющий дна. На вершине холма стоят трое. Человек, со странной маской на лице, серый волк рядом с ним и каменное изваяние, вкопанное в землю в незапамятные вре-

мена. Все трое смотрят вдаль, на далекие предгорные долины. Хранители. Тайные стражи священной земли.

Ветер колышет высокую траву внизу на лугах. Долина оживает, будто планета дышит.

Здесь, на Алтае, все пропитано дыханием жизни. Даже каменный воин, чуть покосившийся от дождевой воды, подмывающей почву в его основании. Это тоже Хранитель. Его поставили здесь неслучайно. Он не только символизирует Свободный Дух этой земли. Он охраняет одну из ее тайн, до определенного времени скрытую от людей. Двое рядом не в счет. Потому что один из них дикий зверь, а другой – человек лишь наполовину. Именно поэтому он здесь. Шаман. Оборотень. Тайшин.

Здесь, на Алтае, еще остались места, сохранившие свою Силу и Тайны и пока не доступные для тех, кто изобрел всевидящие спутники, бороздящие воздушный океан во всех направлениях. Через мгновение каменный воин остался на вершине холма в одиночестве. Два других Хранителя, волк и шаман, исчезли в кустарнике. Будто два бесплотных духа, охраняющих эти священные места на протяжении веков.

Эпизод I

СУМЕРКИ

Хроники наваждений

*Подобные вереску волосы ваши,
Хранители каждого лога!
Водою жертвуем,
Ходим по тебе, Хан-Алтай!
Темный лес, синий, покрывает
Россыпи твои, подобно кольчуге!
С рождения кланяемся тебе!
Предки наши молились тебе!*

Часть 1

ТЕНИ ПРОШЛОГО

1. ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА

Охотник

(Главы-реконструкции, 1999 г., Москва)

Самолет тряхнуло, и в стеклах иллюминаторов побежал серый асфальт посадочной полосы. Обстановка в салоне неуловимо смягчилась. Многие пассажиры неосознанно сделали глубокий вдох, расслабляющий напряженные мышцы шеи, спины и брюшного пресса. Организм всегда ведет себя так: там, в воздухе, он – во «враждебной» среде, он напряжен, он на волосок от гибели. На земле же, когда он в среде «привычной» и безопасной, наступает фаза релаксации, и все тело отдается этому приятному ощущению – отдыху от страха.

– Дамы и господа, – приятный голос стюардессы зашелестел в динамиках, и все разом пришло в движение, слыша-

лись щелчки отстегиваемых ремней безопасности, бормотание и шорох газет. – Наш самолет совершил посадку в аэропорту Домодедово...

Пассажиры засуетились, в нетерпении привставая с надоевших за несколько часов полета кресел, и, хотя самолет еще только выруливал на стояночную площадку, в проходе образовалось некое подобие очереди.

Только один мужчина среди всей этой кутерьмы оставался недвижим. Его глаза были прикрыты, казалось, что он дремлет. Окружающая суeta его не беспокоила, и, может быть, поэтому смуглое восточное лицо его вызывало у некоторых соседей, обращавших на него внимание, ассоциации с безмятежным обликом медитирующего Будды, застывшего в неудобном кресле и грезившего о неизбывном. Единственное, что не соответствовало привычному для многих европейцев образу Будды, была печать времени на его лице – длинные волосы с сильной проседью и глубокие морщины, свидетельствующие о почтенном возрасте их обладателя. Одет мужчина был неброско, но очень аккуратно и даже со вкусом. Одежда была подобрана тщательно и выдержана преимущественно в серых тонах. Словом, пожилой житель какой-нибудь небольшой республики со средним достатком – вот такое впечатление сложилось о нем у соседа по креслу, крупного усатого здоровяка с рыхлым покрасневшим лицом, который поглядывал на дремлющего пассажира и неприязненно думал о том, что старик не самый лучший по-

путчик, который попадает в дороге: за все время полета он не произнес ни единого слова, не сделал ни единого движения. И только еле заметное колыхание грудной клетки свидетельствовало о том, что он дышит, а следовательно, жив.

Сосед раздраженно качнул головой и, наклонившись к самому уху старика и обдавая его густым запахом баварского пива, выпитого в большом количестве, утробно пророкотал: – Эй, старина, подъем! Прибыли...

Веки спящего дрогнули, и он медленно открыл глаза, разглядывая склонившегося к нему соседа, который тут же отпрянул назад и, задев сидящую рядом женщину, забормотал извинения. Затем толстяк встал и, не прекращая извиняться, стал неловко пробираться по проходу. Первый раз в жизни он видел такие страшные глаза. Словно житель другой вселенной посмотрел в этот мир черными, как провалы в бездну, очами. Раскосые глаза взирали на окружающую суету безучастно, будто из иного, бесконечно далекого и ужасного измерения, и на фоне этой завораживающей черноты вспыхивали и гасли пурпурные крошечные протуберанцы, похожие на мерцающие искры от костра. Исходя из своего жизненного опыта и богатого воображения, здоровяк мог предположить, что такие глаза могут принадлежать разве что хладнокровному и многоопытному убийце. «Да мне-то что до этого... Ну, бандит и бандит. Мало их, что ли, повсюду? Всяких повидали...»

Пожилой пассажир, так напугавший своего соседа, вы-

шел из самолета почти последним. Свежий майский ветерок приятно овеял спокойное безмятежное лицо. В воздухе пахло дождем и весенней сыростью. Мужчина глубоко вдохнул в себя эту гамму запахов и, задержав на мгновение дыхание, медленно выдохнул, словно привыкая к новой обстановке, анализируя все вокруг, даже запахи, пробуя их на вкус. Москва...

Он закинул себе на плечо большую дорожную сумку «Samsonite» и медленно, как и подобает пожилым людям, стал спускаться по ступеням трапа. Последний автобус был практически пуст, и можно было даже поставить тяжелую сумку на сиденье. Створки дверей с шипением захлопнулись, и, качнувшись, огромный перевозчик плавно покатился к главному корпусу аэропорта.

У входа в аэропорт, выстроившись в две шеренги, вновь прибывших встречали суетливые москвичи. Большинство встречающих составляли так называемые извозчики – частные водители. Поэтому с появлением у входа первого пассажира зазвучали торопливыми скороговорками заученные фразы:

- Братка, тебе куда?
- Такси... такси...
- Недорого возьму...
- Куда едем?
- До метро... до метро...

Человек с сумкой уверенно переходил из зала в зал, двигаясь в направлении выхода, ведущего прямо на стоянку автобусов. Пару раз ему предложили помочь с билетами, один раз попросили нажать кнопку «Пуск» в компьютерном терминализаторе и один раз проверили документы. Все как обычно. Московский аэропорт жил своей привычной беспокойной жизнью, настороженно встречая новых гостей.

Уже у самого выхода на улицу, около дверей, перед вновь прибывшим появился юркий молодой человек в спортивном костюме, вращая на пальце связку с ключами от автомобиля. Широко улыбаясь, он сделал притворно-удивленное лицо, внимательно разглядывая «гостя».

– Извините, а откуда этот рейс?

Седоволосый пожал плечами и собрался пройти мимо, но парень преградил ему путь и со смущенным видом выпалил:

– Вы простите, ради бога, что я вас задерживаю. Вы не в центр? До метро? Автобус уже ушел, а следующий будет только через сорок пять минут. Давайте я вас до метро подброшу? А то шефа своего привез, он в командировку полетел, а назад порожняком гнать неохота. Да ты не бойся. – Он перешел на «ты», видимо определив слишком явный «провинциальный тип» гостя, компанейски хлопая молчаливого иногородца по руке. – Я ведь недорого возьму – копейки. Я же не калымщик. Эти – три шкуры сдерут. А я из-за компании. Вдвоем и ехать веселее, и хоть бензин окупится. Да и тебе, отец, приятней – переплатишь червонец, зато домчу

быстро, комфортно и с музыкой...

Теперь улыбнулся незнакомец. Его темные глаза, когда он рассматривал своего собеседника, на несколько секунд потеряли фокус, зрачки разошлись в стороны, тут же вернувшись на место. Эта странность старика осталась незамеченной – парень болтал без умолку, стараясь не смотреть в глаза собеседнику.

– Ну, поехали...

– Отлично! Вот и славненько, батя, поехали, дорогой.

Парень обрадовался, засуетился, и через пару минут они уже сидели в салоне белой забрызганной грязью «девятки». Сев за руль, Гена, как он представился, сноровисто убрал вниз рычаг ручного тормоза, толкнул пальцем кассету, утопившую в недрах магнитофона, и, повернув ключ зажигания, лихо вырулил к шлагбаумам пропускной системы «Барьер», установленной по периметру въездных путей Домодедово.

– Ну вот и все, сейчас мигом домчим, – Гена весело хохотнул и, сунув в рот сигарету, приоткрыл боковое окно.

Сразу же за выездом автомобиль сбавил скорость и остановился: голосовали двое мужчин, только что вышедших из бара «Олимп», расположенного на обочине шоссе. Они быстро уселись в машину на заднее сиденье и шумно стали обмениваться приветствиями с водителем, старательно изображая радость случайной встречи.

– Генка, привет! Ты что тут?

– Да вот, шефа привез. А вы куда? До поста?

Последний вопрос вызвал неудержимый приступ хохота у новых пассажиров:

– Ага, Генка, до поста. Там и выйдем...

Незнакомец сидел тихо на переднем сиденье, словно опять впад в старческую дрему. Он не проявлял никакого интереса к разговору и, казалось, не замечал ни переглядываний странных попутчиков, ни притворства, витающего внутри салона вместе с клубами сигаретного дыма.

– Издалека, батя? – Гена откинулся на спинку сиденья, поворачиваясь к иногородцу. Получив вместо ответа еле заметный кивок, он опять улыбнулся.

– Ты прямо молчун какой-то. К нам-то зачем? Турист? Или, как это модно говорить, бизнес?

Незнакомец опять кивнул.

– Бизнес... да, – пробормотал он неохотно, отворачиваясь к окну.

– Чем занимаешься, если не секрет? – не обращая внимания на явное нежелание пассажира общаться, задал очередной вопрос один из сидящих сзади.

Незнакомец вздрогнул, словно наконец очнувшись от дремы, и повернулся к водителю, разглядывая его улыбочное лицо. Затем он скосил глаза вглубь салона, рассматривая лица попутчиков – вытянутое болезненное одного и приплюснутое скуластое другого, явно имеющего боксерское прошлое.

– Сникерсы-тампаксы, панты-манты? – Гена опять засме-

ялся, выкидывая дымящийся окурок на улицу.

– Я священник... – пробормотал незнакомец и тут же улыбнулся, словно давая понять, что это шутка или почти шутка. Юмор оценили.

– Священник? Круто. Круто, батя! То-то, я смотрю, хайер у тебя культовый. Ты какой веры будешь-то? Далай-лама или наш, православный?

– Тебя, отец, случайно не Петром звать? – спросили сзади и опять загоготали.

– Можете называть меня Ямой.

– Как, как?

– ЯМА, – старик медленно и отчетливо произнес каждую букву, словно объясняя алфавит невнимательным детям.

С заднего сиденья через спинку перегнулся «болезненный»:

– Что-то я первый раз слышу имя такое, непоповское.

«Девятка» стремительно неслась по шоссе, оставляя за собой шлейф мелкой водяной капли. Над Москвой угрюмо нависло тяжелое свинцовое небо. Уже несколько минут шел дождь.

Автомобиль свернул с дороги в лес, и теперь маленькие колеса «девятки» с трудом справлялись с грязевым месивом лесной тропинки. Проехав метров тридцать, машина остановилась, уткнувшись передним бампером в раскидистый кустарник, ошетилившийся, будто дикобраз, серыми стеблями низкорослых веток. Водитель глубоко вдохнул и шумно вы-

дохнул, поворачиваясь к седоволосому пассажиру:

– Все батя, приехали. Москва.

Сзади опять засмеялись. Пассажир продолжал сидеть не двигаясь, отвернувшись к окну. На его лишенном эмоций лице не дрогнул ни один мускул, словно это была искусно сделанная маска, безучастно взирающая на мир за окном, наблюдающая, как струи воды стекают сквозь сплетение веток, падая вниз тяжелыми нитями капли.

– Все, говорю, батя, конечная.

Водитель потормошил оцепеневшего лоха за плечо, чувствуя, как закручивается внутри невидимая пружина, готовая в любой момент толкнуть вовне заряд злобы и раздражения. Пассажир не пошевелился. Только губы его, дрогнув, зашептали что-то вроде молитвы или детской песенки.

– Эй ты, урюк, просыпайся! – Один из попутчиков – «болезненный» – с силой ударил по спинке переднего сиденья. – Бабки, золото, документы... Давай выворачивайся!

Второй – бывший боксер – начал заводиться, наблюдая за поведением «терпилы».

– Тебе говорят, косоглазый! Подъем, дедуля! Саня, выводи его...

Задние дверцы автомобиля открылись, и в салон хлынул свежий утренний воздух. Водитель примерился к неподвижной фигуре, решая, куда лучше ударить, чтобы «замороженный» сам вывалился из машины, но тот вдруг сам, с невероятной быстротой, выскользнул наружу, под дождь.

Гена еще соображал, что же так насторожило его в этом движении, когда понимание холодной волной накатило из глубины подсознания, обвивая скользкими щупальцами позвоночник и парализуя ватной тяжестью ноги. «Быстро. Слишком быстро. Человек так не может...»

Снаружи сплошным потоком лил дождь.

Человек, назвавший себя Ямой, вышел из леса и встал на обочине дороги, рассматривая проезжающие мимо автомобили. Через несколько минут из общего потока машин отделился черный тонированный джип «гранд-чероки» и, подъехав к пожилому азиатцу с дорожной сумкой на плече, затормозил около него. Яма улыбнулся и, открыв дверь, сел в темный автомобиль. Джип резко вывернул в крайний левый ряд и, набирая скорость, понес страшного «гостя» дальше, в направлении Москвы.

Через час в одном из московских дворов Яма покинул дорогую машину, получив от ее водителя ключи от квартиры, которая располагалась в одной из девятиэтажек, похожей как две капли воды на несколько других таких же домов, окаймляющих двор со всех сторон. Джип гуднул старику на прощание и тут же исчез, отражая в темных зеркалах окон мелькающие элементы жилого массива. Яма посмотрел ему вслед и не спеша вошел в один из подъездов, вызывая лифт и озираясь по сторонам, разглядывая корявые цветные надписи

на стенах: «Кузя – лох», «Панки – скоты, попса – херня». Особенно выделялась на старой побелке огромная надпись, сделанная жирным черным фломастером: «А ты готов умереть?», плавно переходящая в стилизованное изображение черепа. Яма мрачно посмотрел на нее, укоризненно покачив головой. Эта композиция почему-то испортила ему настроение, и, когда створки лифта с шумом распахнулись перед ним, он еще стоял мгновение, повернувшись к нагло ухмыляющемуся черепу.

Прибыв на нужный этаж, старик рассеянно прошелся по площадке, отыскивая свою квартиру, щуря глаза и наклоняясь к каждой двери, вглядываясь в номера. Наконец он нашел то, что искал, и, тщательно изучив дверь, вошел в квартиру. Помещение он тоже осматривал с огромной тщательностью, как дотошный старик, привыкший к порядку, заглядывая во все углы и отмечая малейшие особенности интерьера. Затем он вышел на лоджию и так же внимательно изучил окна, саму лоджию и прилегающую к ней территорию – соседские окна, поверхность стены, расстояние до пожарной лестницы и крыши. Вернувшись в квартиру, Яма разделся, сняв с себя всю одежду, и, аккуратно сложив ее на стуле, стоявшем в спальне, прошел в ванную.

Приняв контрастный душ, чередуя горячую и холодную воду, он, как был обнаженным, вернулся в спальню и, упав на кровать, мгновенно заснул. Его тело, словно свитое из перекрученных канатов-мышц, смотрелось гротескно, нереаль-

но в сочетании с седой головой, лицом старика и руками, от локтя резко меняющими структуру кожи. Казалось, к молодому и сильному телу просто пришили чужие фрагменты, принадлежащие старику.

Так он проспал почти весь день. За это время солнце опустилось за горизонт, невидимый в городе из-за непроницаемой гряды высотных зданий. Сгустились сумерки.

Яма неслышно встал, в одно неуловимое движение оказавшись на ногах, и, так же бесшумно ступая по полу, пошел в ванную. Включил теплую воду и расположился перед большим, потускневшим от времени зеркалом, висевшим над раковиной. Яма усмехнулся и, открыв коробочку, принялся совершать со своей внешностью ловкие манипуляции. Через пять минут внешность его разительно изменилась. Степенный, умудренный годами Будда (каким бы он стал, если бы достиг старческого возраста) исчез. Вместо него в зеркале отражался молодой человек лет двадцати пяти с великолепно развитой мускулатурой.

Одетый в просторную полуспортивную одежду черного цвета, Яма практически сливался с тенями, господствующими повсюду. Он стоял на лоджии и смотрел вниз, на мигающую неоновыми огнями темную Москву. Где-то здесь, среди многочисленных улиц и переулков, скрывается до поры до времени «петля Амита», один из причудливых изгибов его Судьбы, который и привел его сюда, в этот город.

Судьба... Для цивилизованного европейского мира пустое слово. Фатальная череда случайностей и закономерностей, ведущих человека к его неизменному финалу – смерти.

Для той части азиатского мира, которая еще не попала под это отупляющее мировоззрение, Судьба оставалась абстрактным понятием, включающим, тем не менее, в себя все: жизнь, битву, колдовство, смерть, бессмертие и любовь... Только такое восприятие мира способно подарить истинное наслаждение от переживания каждой минуты, каждого мгновения, которое ведет воина к месту его Последней Битвы. Судьба – это как мост от жизни к смерти, он где-то начинается и где-то заканчивается, но, двигаясь по нему, воин знает, что, покинув один берег, он неизбежно придет к другому; это называется Судьбой, и ее нужно принимать отрешенно и смиренно. Но это не обреченное смирение приговоренного к смерти. Принятие своей Судьбы – это мужество и решительность, восторг и страсть, сердце и дух.

«Слышишь шум крови в венах врага? Слышишь его дыхание? Бешеный стук сердца? Страх, источаемый его мыслями?»

Далекий голос его наставников зазвучал на периферии сознания подобно шепоту призрачных духов.

«Неистовый натиск... Ярость... Хищная сталь клинка... Удар...»

Яма дрожит. Все это происходит на самом деле? Или это иллюзии, навеянные ожиданием грядущей Игры, аберрации

возбужденной психосферы?

Клекот коршуна высоко в небе. Здесь? Откуда?

Яма глубоко дышит, закрыв глаза. Прохладный вечерний воздух приятно расходится по телу колючей волной.

«Игра начинается. Я иду...»

Он вернулся в комнату и сел на пол, склонившись над вещами, разложенными перед ним. Взяв в руки черный брезентовый рюкзак, наподобие тех, которыми пользуются роллеры и школьники, Яма начал складывать в него вещи, которые могли понадобиться в предстоящем поединке.

...Моток тонкой, но невероятно прочной веревки. Стальная «кошка», обмотанная черной тканью. Три кронштейна и два мощных альпинистских карабина с тросами-переходниками. Кожаный планшет с набором небольших ампул и комплектом игл, закрепленных в специальных нишах. Мягкая войлочная тряпица. Небольшой баллончик с резиновой трубкой. Замшевый чехол с двумя слегка изогнутыми ножами. Шнур-удавка с тремя узлами. Тонкая маска, одна половина которой была белой, а другая – бледно-голубой. Два баллона с краской, снабженные распылителями, компактный сотовый телефон.

Яма закинул рюкзак на плечо и неслышно выскользнул на площадку, прислушиваясь к окружающему пространству. Стандартный набор звуков, который можно услышать в любом подъезде – глухие голоса, далекий гомон работающего телевизора, звяканье посуды, – всю эту какофонию дома

подъезд впитывает в себя словно губка из-за закрытых дверей. Находясь в подъезде, можно много узнать о том, что скрывают люди за перегородками своих квартир. Но Яму сейчас не интересовали аспекты личной жизни соседей, он слушал подъезд, чтобы узнать: скрывает ли он в своих недрах какую-нибудь опасность.

Все в порядке. Ничего подозрительного. Подъезд, казалось, тоже замер, настороженно наблюдая за темным человеком, бесшумно спускающимся вниз по запасной лестнице. Игра началась.

Сумерки. Время смещения света и тьмы. Время древних страхов, загнавших людей в города. То, что еще несколько часов назад было привычным и знакомым, приобретало сейчас зыбкие зловещие очертания. Стены домов изменили цвет. Деревья превратились в угрюмые многорукие силуэты. Тени вокруг, хлынув из подворотен призрачной лавиной, слились воедино, образовав одну гигантскую тень, поглотившую город. Уличные фонари, фары автомобилей и неоновые рекламы пытаются разбавить тьму своим холодным светом, но тщетно, тень лишь набирает силу, наливаясь каждую минуту все более интенсивной чернотой.

Люди всегда чувствуют метаморфозы, происходящие с миром в это время. Эти ощущения скрыты глубоко-глубоко в подсознании, где дремлют с незапамятных времен инстинкты и родовая память человечества. Движения людей

становятся менее уверенными, мысли – более путанными и хаотичными. Это влияние темноты. Погружаясь в ночь, человечество оказывается во враждебной стихии, в ином мире, где действуют совершенно чуждые законы и правила, в мире, где господствует Неизвестное. Дыхание ночи наполнено страхом.

Яма чувствовал себя в это время в своей стихии. Он и был существом ночи, поэтому не только любил сумерки, он наслаждался ими, насыщаясь их невидимой энергией.

Черный человек двигался вперед стремительным упругим шагом, изучая окружающее пространство расфокусированным зрением, позволяющим охватывать максимальное количество объектов, попадающих в поле внимания. Казалось, невидимые волны его энергии расшвыривают в стороны напряженных и ослабленных прохожих с их тусклыми аурами, попадавших на его пути. При этом никто не обращал на него внимания, как будто его и не было вовсе. Просто люди шарахались в стороны, рассеянно и удивленно пытались осмыслить причины этого неясного дискомфорта, заставившего их сойти со своего пути.

«Невидимый» человек буквально сочился опасностью. Она сквозила в его походке, в манере двигаться, в движениях рук и головы, во взгляде, который замечал все вокруг.

Воин расслаблен и, тем не менее, всегда готов к атаке. Любой элемент окружающего мира потенциально может таить в себе угрозу. Реальную или гипотетическую, не имеет зна-

чения. Подобные градации чрезвычайно условны в этом мире. Для Ямы уже давно перестала существовать грань между реальностью и иллюзией. Он вспомнил, как много лет назад, будучи еще совсем молодым воином, он сидел перед Наставником в зале, погруженном во мрак. Ничего не видно вокруг, лишь ощущение чужого присутствия перед собой. Наставник, невидимый в темноте, тихо шепчет:

– Мы владеем энергией. Эта энергия, подобно клею, соединяет иллюзии, из которых состоит все. Тебе кажется, что иногда невозможно влиять на ход событий – реалии так сильны. Но... это всего лишь очередная иллюзия. А раз так, значит, ты можешь раскрасить ее в свои цвета. Обладая Силой и владея искусством манипулирования этими образами, мы можем изменять мир и даже создавать собственные законы... Свет и Тьма... день и ночь... это лишь сны... они меняются местами, мерцают, текут... куда? Ты чувствуешь?

Яма медленно кивает головой. Он уже ничего не чувствует, кроме этого всезнающего заволакивающего шепота:

– Никуда... ни-ку-да... Это образы... зыбкие, как вода, и податливые, как песок... им нет места в твоей голове... Отпусти их от себя... в никуда...

Яма смеется, он испытывает чувство легкости и радости, готовность уплыть вместе с этими образами вслед за своими страхами и надеждами, в никуда.

Призрачные отсветы на каменных ликах древних статуй, застывших в нишах стен погруженного в сумрак святилища.

– Вот они – смотри... Мастера иллюзий... Белый Будда и Синий Будда. Какой образ истинный, а какой ложный? Ты знаешь?

Яма смеется.

– Грань, разделяющая реальное и воображаемое, исчезает...

Воспоминание погасло, и только слова Наставника еще звучали затихающим эхом в памяти.

Иллюзии... Одно из двух: либо они манипулируют человеком, либо человек ими. Но для того чтобы овладеть этой возможностью, необходимо понять природу иллюзий, их суть. А для этого нужно нечто большее, чем пять органов восприятия, присущих обычному человеческому мироощущению. Только с помощью сверхчувственного восприятия возможно проникнуть за видимую часть фасадов окружающего мира. Так учили Яму его Наставники, и он запомнил эту истину. Здесь, в Москве, он остро ощущал напряженность, витающую в воздухе. Аура этого города была насквозь пропитана смертью. Повсюду, на улицах и во дворах, в зданиях и скверах, сама атмосфера была насыщена ядовитыми зловещими флюидами, наслаиваемыми десятилетиями. Какое-то мрачное проклятие, казалось, душило Москву невидимыми щупальцами. Здесь всегда нужно было быть настороже. Яма дошел до нужного ему дома, адрес которого держал в памяти уже несколько месяцев.

Двери в подъезд оказались распахнутыми настежь,

несмотря на то что были снабжены «кольцевым» кодовым замком. Подобная мера защиты конечно же не являлась сколько-нибудь серьезным препятствием для конкретных преступных намерений, но иногда ограждала жильцов подъезда от дворовой шпаны, наркоманов, пьяниц и обычных граждан с переполненными мочевыми пузырями, использующих теплые подъезды в холодное время года предельно практично.

Сейчас двери были открыты. Подобный факт уже о многом говорит внимательному человеку. Например, о том, что в подъезде давно уже не совершалось ничего предосудительного: никого не обворовывали, не убивали, не насиловали и даже, вероятно, не разукрашивали стыдными надписями стены. Жильцы просто успокоились, а следовательно, потеряли бдительность, забывая поговорку о том, что беда приходит тогда, когда ее совсем не ждешь.

Яму здесь не ждали. Он не был желанным гостем в этом доме, но это уже не имело никакого значения, он пришел сюда не гостить.

Яма внимательно изучил расположение окон нужной ему квартиры, отметил расположение балконов, пожарной лестницы, клумб внизу и все возможные пути отхода – через забор, арку, баки газгольдеров, беседку, гаражи... Все было учтено. В вопросах, касающихся жизни и смерти, нельзя допускать ошибок. Даже самый незначительный на первый взгляд просчет может повлечь слишком значительные

последствия для того, кто берет на себя смелость участвовать в подобной Игре. Поэтому Яма не торопился.

В коридоре зазвонил телефон. Игорь Семенович Орский, президент коммерческого банка «Ультра», недовольно поставил на журнальный столик чашку с горячим какао и, запахнувшись в шелковый халат, не спеша покинул гостиную. Он не ждал ничего хорошего от позднего телефонного звонка. Это могла быть Валерия со своей очередной истерикой, и ладно, если это была она, а не какие-нибудь производственные неприятности. Ну вот... Трубка молчала. В ответ на раздраженное «алло», повторенное несколько раз, не последовало ни единого звука. Орский, выматерившись, выдернул из розетки телефонный шнур, сводя к минимуму все дальнейшие недоразумения. Раздражение никогда не было хорошим советчиком, но Орский не хотел сейчас никаких контактов с миром за дверью, никаких неожиданностей и неприятностей. Чашка какао, телевизор – и все. Все! На мгновение ему вдруг показалось, что в квартире чем-то пахнет. Слабый сладковато-приторный запах, чем-то напоминающий дым от сгорающих прелых листьев или какой-то травы, смешанной с откровенно синтетическими добавками. Игорь Семенович подумал, что, вероятно, именно так и пахнет анаша, которую, возможно, курят сейчас в подъезде представители местной молодежи. Орский хмыкнул и покачал головой. Коридор сразу как-то странно качнулся из стороны в сторону. Бан-

кир нахмурился и прислушался к своему состоянию. «Устал. Давление. Нужно сегодня пораньше лечь спать».

Вернувшись в гостиную, Игорь Семенович почувствовал во рту странный железисто-горьковатый привкус. Машинально отпив сладкого какао, Орский с усилием подавил рвотный позыв. Вдруг сильно закружилась голова, заслезились глаза и защипало в носу. Озабоченный своим состоянием, Орский судорожно вдохнул, чувствуя, как сильно распух во рту язык и спазм сковал онемевшую грудь.

«Господи... — мелькнула испуганная и растерянная мысль, — что это со мной?»

Все тело покрылось холодной испариной и мелко затряслось, словно в лихорадке. Предметы вокруг окрасились в фосфоресцирующие желтые и зеленые цвета, больно бьющие по зрению пронзительными вспышками.

«Господи... Плохо мне... Плохо». Мысли скакали в бешеной пляске в такт лимонному мерцанию, залившему уже все вокруг. Орский встал и сделал несколько шагов обратно в коридор, где стоял, спасительный теперь, телефон. Но онемевшие вдруг ноги неожиданно подломились, и президент «Ультра» упал сначала на колени, потом на грудь, ударившись об пол нечувствительным подбородком. Организм как будто вмиг лишился всей жизненной силы, причем так стремительно, что разум успел лишь только испугаться. Анализировать происходящее было просто невозможно. Чернильно-черная клякса расплылась по всей периферии зрения, по-

гружая человека в бездонную пропасть, разверзнувшуюся прямо под ним, в полу дорогой московской квартиры.

«Все. Умираю...» – последняя мысль мигнула и растаяла в наступившей темноте. Орский захрипел и, отчаянно выгнувшись, мучительным усилием перекатился на спину. Все пространство вокруг залепила сплошная непроницаемая жидкая тьма. Тьма...

– Игорь! Игорешка, помоги отцу передвинуть стол. – Голос мамы прозвучал так отчетливо и близко, что Орский сразу открыл глаза.

Яркое солнце заливает ослепительно белым светом квартиру его детства, и он, семилетний, стоит посреди коридора, растерянно вслушиваясь в родные, до боли знакомые звуки: шелест высоких тополей в парке за окном, звяканье посуды на кухне и голоса...

«Мама! Мамочка! Она там...» Мальчик бросился на кухню, но замер у входа в гостиную, пораженный увиденным – отец выдвигает огромный массивный стол на середину комнаты. Так в семье Орских всегда готовились к какому-нибудь празднику. Отец обернулся, подмигнул и, улыбнувшись неподвижно замершему сыну, кивнул на тяжелую ношу:

– Игорешка, ну что же ты стоишь? Давай, сынок, помогай, а то я сейчас всю краску на полу посдираю.

Отец! Живой! Живой!!! Стол со скрипом встал на место, а отец, что-то весело напевая себе под нос, наклонился к нижней дверце серванта, доставая оттуда белую празднич-

ную скатерть. Игорь, неуверенно улыбаясь, опасаясь поверить в это чудо, сделал робкий шаг в гостиную, не чувствуя своих ног. Ему вдруг захотелось подбежать к отцу и обнять его крепко-крепко. Что же это? Отец! Живой!.. Если смерть возвращает человека опять в детство, это здорово! Если так умирают, то нужно было умереть еще раньше, много лет назад, а не цепляться за эту дерьмовую адскую жизнь, шагая по головам. Как хорошо! Он снова вернулся назад, в детство, к родителям, которые уже давно ждут его здесь, в светлой квартире на изнанке мира. Им будет хорошо здесь всем вместе! На кухне зазвенела посуда, и голос мамы:

– Семен, принеси мне салатницу, будь добр.

Игорь весело рассмеялся и, подпрыгивая, помчался на кухню. Нужно обрадовать маму – он наконец-то вернулся к ним. Они знали об этом, готовились встретить его, чтобы все было как раньше: праздничный стол и они – втроем. Им будет хорошо здесь, всем вместе. Как раньше. Хорошо.

На кухне никого не было. НИКОГО. И в ванной тоже. И в спальне, и в гостиной... Игорь замер в коридоре, отчаянно мотая головой, словно пытаясь стряхнуть с себя это навязание. Затем робко позвал звонким голосом, готовым в любой момент сорваться на плач:

– Папа, пап... Мама... Вы где?

Тишина. Никого. Только что они были здесь, живые, только что...

Загробная жизнь оказалась на самом деле не такой уж и

предсказуемой... Игорь почувствовал, как текут по щекам горячие слезы и, уже не сдерживая плач, закричал:

– Папка, где вы-ы-ы?..

Из гостиной послышался голос отца, сдавленный и приглушенный:

– Игорь, ты очнись, сынок, очнись. А не то сойдешь с ума...

Мальчик упал на колени, чувствуя, как не хватает воздуха для очередного вдоха и сердце мучительно пульсирует в груди, угрожая разорваться в клочья.

– А-а-а-а-а... – Детский крик и слезы навзрыд. – Папочка, я здесь, помоги мне...

Игорь Семенович вздрогнул всем телом и открыл мокрые от слез глаза. Он действительно плакал, лежа на полу в коридоре, и это значило, что он по-прежнему жив. Запретелье отпустило его, поугав своим страшным миром. Теперь сознание функционировало четче, значит, приступ прошел. Смерть выпустила свою жертву обратно, в мир живых.

Орский несколько раз глубоко вдохнул, выдохнул и попробовал пошевелиться. Мышцы отозвались пронзительной болью, словно сотни иголок вонзились в каждый сантиметр кожи. «Мышечный спазм. Нужно подождать».

Через несколько минут боль прошла, и банкир уже мог слабо шевелить онемевшими пальцами. А вот ниже пояса, казалось, ничего не было. Ноги, неестественно изогнувшись, лежали на полу, словно части тела, принадлежавшего ко-

му-то другому. В этом зрелище было что-то жуткое, злое и тоскливое.

«Хорошо, подожду, — как-то отстраненно подумал Орский, уставившись в потолок. — Ничего страшного, сейчас и ноги отойдут. У них просто более длительный период восстановления». Он еще находился под впечатлением своего страшного, но удивительного видения, очевидно спровоцированного этим странным приступом. И кто знает, может, это были превратности умирающего мозга, а может быть — реалии посмертного существования? И может быть, где-то его действительно ждет самое счастливое время, в котором он бы хотел остаться навсегда?

«Ничего, ничего. Сейчас отлежусь, и все будет в порядке. Позвоню в „скорую“. Разберемся, что это за причуды...»

Дыхание до сих пор давалось тяжело — легкие тоже восстанавливали после приступа свою нарушенную моторику. Дышать удавалось после первых глубоких вдохов почему-то только небольшими порциями, но это все равно лучше, чем ничего. Желудок вдруг наполнился какой-то отвратительной горечью. Орский попробовал перевернуться на живот. С третьей попытки ему это удалось, и как раз вовремя — вязкая рвотная масса стремительным потоком хлынула наружу.

«Тьфу ты, черт, что же это? Неужели отравился?» Банкир попытался отползти от едкой лужи, разлитой перед лицом.

«Ничего, сейчас. Сейчас...»

Орский медленно полз в сторону телефона, прилагая

невероятные усилия к каждому движению. Он чувствовал себя совершенно беспомощным, обессиленным, жалким и разбитым. Но надежда на то, что все закончится благополучно, заставляла его преодолевать сантиметр за сантиметром. Через несколько секунд он опять потерял сознание.

Его подняли с пола сильные крепкие руки и поставили на ноги – тонкие мальчишеские ножки, слабенькие, но послушные.

– Папа!

Орский-старший приложил палец к губам, словно заговорщик, и кивнул головой в сторону входной двери:

– Ты слышишь, сынок?

Они замолчали, вслушиваясь в тишину по ту сторону двери.

– Там кто-то есть... – зловещий шепот отца волной ужаса захлестнул мальчика с головой.

«Кто?» – хотел спросить Игорь, но не успел. Жуткий по силе удар обрушился на дверь с той стороны.

Игорь отскочил назад и спрятался за отца, а тот стоял, ссутулившись, безвольно опустив руки вдоль тела, и молча наблюдал за сотрясающейся от ударов дверью.

– Папа! Папочка! Я не хочу... Нет!! Что же ты стоишь? Побежали отсюда. Я боюсь! Побежали... – Сын тряс отца за рубашку, обезумев от страха, а тот лишь грустно пожал плечами и обреченно покачал головой: «Куда бежать, Игореша? Некуда...» Столько тоски было в его голосе, столько бесси-

лия и безнадежности, что Игорь почувствовал, как его разум сжимается от страха до размеров крохотной точки, теряя все пространственно-временные ориентиры. Новый удар потряс дверь, и она, гулко ухнув, задрожала, чудом удерживаясь на петлях. Игорь зажмурился, обхватывая голову руками. Удары прекратились. Мальчик, прищурившись, медленно открыл глаза. Рядом уже никого не было. И только голос, тихий и далекий, послышался откуда-то из глубины квартиры: «Открой ему, сынок. Он пришел освободить тебя...»

Мальчик всхлипнул и, выгнувшись, упал назад, в темноту, опять принявшую его в свои спасительные объятия, где-то там, глубоко внизу...

Тишина... Лишь за окном гостиной послышался рокот проезжающей мимо машины. Орский облизал пересохшие губы и вытер рукой слезы. Сознание будто заморозили. В голове не было ни единой мысли, только память о страхе, жутком, нечеловеческом. Тело уже практически вернуло себе возможность двигаться. Банкир поднял перед собой растопыренную ладонь, фокусируя на ней плавающее зрение: «Уже лучше. Гораздо».

«Что-то сделать хотел... Что? А-а...» Телефон стоял на тумбочке в полуметре от расprostертого на полу тела. Орский приподнялся на локтях и протянул к аппарату дрожащую руку. Когда трубка оказалась в ладони, он облегченно вздохнул и набрал «03». Молчание. Ни ответа, ни гудков, ни шума, ничего.

«Черт бы вас побрал, сволочи».

Повторив набор, банкир тщетно вслушивался в мертвенную тишину в трубке. Его блуждающий взгляд наткнулся на шнур, свисающий с тумбочки.

«Вот дерьмо, я же его сам выключил».

Протянув руку, он воткнул вилку в розетку и вздрогнул. Телефон сразу же пронзительно зазвонил.

– Алло, кто это? – Хриплый голос президента «Ультра» походил сейчас на сипение запитого алкаша. – Алло, кто? Кто?

Молчание. Кто-то позвонил, но лишь для того, чтобы позиздеваться над ним.

– Кто это? Алло, мне нужна помощь, мне плохо... Алло...

Орский чувствовал, что это не заурядное несоединение. Там кто-то был, кто-то слушал эти жалобные хрипы. Слушал и молчал.

– Эй, не молчите, сволочи! Позовите кого-нибудь на помощь, я умираю. Валерия, это ты?

– Игорь... – Орский оцепенел. Голос отца. Там!! В трубке!! – Игорь, не сопротивляйся. Это бессмысленно, я знаю... Открой ему сынок, и мы снова будем вместе... – Короткие гудки отбоя.

В дверь постучали. Тихо. Без нажима. Там кто-то стоял все это время, кто-то, кто хотел войти в квартиру. Отец сказал, что *ОН* пришел освободить его. Он войдет и уведет его к отцу и маме, и они опять будут вместе. Навсегда.

Снова стук. Орский уронил телефонную трубку на пол и безвольно опустил руки, прижавшись головой к стене. Он вдруг почувствовал невероятную тоску, смертельную, томительную грусть. И не было сил противостоять ей. Нужно было идти и открывать дверь.

Банкир встал на подламывающиеся ноги, постоял немного, пошатываясь, а затем сделал шаг, еще один. Ноги неохотно повиновались ему, еще не восстановив свою динамику.

– Ну не надо, пожалуйста.

Еще шаг. Тот, кто стоял там, в подъезде, воздействуя на его сознание, не знал пощады. Он тянул к себе невидимым магнитом, лишив воли и сил к сопротивлению. Еще шаг. Вот она – дверь. Мощная металлическая установка, намертво вросшая в стены системой «крабов» и спаренных электрозамков. Такую невозможно открыть снаружи. Только изнутри.

– Папа, помоги мне, папочка... Я боюсь. Я уже рядом... Помоги, – шептали дрожащие губы, а руки, словно принадлежа другому хозяину, уже тянутся к запирающему механизму замков. Клац – четыре штыря синхронно отщелкнулись, исчезая в нише замка.

– Все. Конец. Ну не надо!! – Слезы капаят вниз, на пол, стекая по трясущимся мокрым щекам. Нужно бежать. Куда? Тогда убить... Дар. Нужно вспомнить, как это делается. Пробудить в себе уничтожающую силу, направить ее против *этого* ужаса за дверью. Уничтожить его. Убить. Убить!

Убить!!!

Орский почувствовал, как внутри, в области солнечного сплетения, что-то неуловимо шевельнулось. Словно птенец невиданной хищной рептилии пытался продавить сковывающие его границы яичной скорлупы. Банкир глубоко вздохнул, пытаясь избавиться от этого ощущения. Вдруг давление на мозг исчезло. Словно свежий ветер ворвался в черепную коробку. Орский торопливо отдернул руку от второго замка. Тот, кто был за дверью, почему-то перестал внушать, на мгновение упустив контроль. Но этого мгновения оказалось достаточно, чтобы осознать весь ужас происходящего. Орский стремительно закрыл первый замок и прижался, обмирая, горячим лбом к холодному пластику, покрывающему дверь. За дверью было тихо. Может, тот уже ушел? Может, его спугнули?

Нет! Тихие шаги. Нет! Он там!! За дверью!! Легкая тень набежала на сознание и снова исчезла. Орский понял, что *тот* снова пытается возобновить контроль, завладеть его волей, наладить связь, поймав его мысли. Этого нельзя допустить!

– Эй ты, убирайся, гад. Убирайся! – Горло издавало вместо криков сиплые визгливые стоны.

– Открой мне, – шепот у двери.

Орский отшатнулся назад, словно увидев чудовище в сантиметре от своего лица, но, поскользнувшись в собственной рвоте, снова упал на пол. Быстро вскочил, опять припадая к

двери, понимая, что она надежно защищает его от чужака. Вопли перешли в испуганно-яростный рык:

– Вон-вон-вон... Я тебе не открою, гад... Ни-ко-гда!

– Открой дверь, – голос мертвый, как шепот призрака.

– Нет! Нет! Нет! Убирайся!!

– Ладно. Я ухожу. Слышишь? Ухожу... – Голос удаляется.

Орский напряженно вслушивается в затихающие шаги. «Ушел или притворяется? Неважно. Теперь это неважно. Этому ублюдку, кто бы он ни был, теперь не удастся командовать мной. Нужно просто выждать. Послушать еще, а потом позвать на помощь. Все кончилось. Господи...»

Орский опять заплакал, но теперь это были уже слезы радости и облегчения. По ногам побежали теплые струи мочи – это, не выдержав напряжения, расслабилась гладкая мускулатура.

Звон разбитого стекла остро резанул по издерганным нервам. «Это в гостиной. Боже мой! Окно...» Орский метнулся туда, но затем понимание необратимости трагедии выключило в нем все чувства. Он медленно опустился на колени и безучастно стал ждать своего мучителя.

Какое-то движение, напоминающее дуновение ветра, ворвавшегося сквозь распахнутое окно. Дверь гостиной начала медленно открываться.

Яма, словно каменная статуя, замер перед обычной с виду дверью. Если бы кто-нибудь наблюдал за ним сейчас, он мог

бы поклясться, что с тех пор, как этот облаченный в черное человек убрал в рюкзак небольшой баллон с хоботком резинового шланга, увенчанного тонкой иглой, его тело не сделало ни единого движения, застыв в странной позе.

Яма прикрыл глаза и, прислонившись лбом к двери, отпустил свои мысли странствовать по извилистым лабиринтам иллюзии, созданной им в этом мире. «Грань, разделяющая реальное и воображаемое, исчезает...»

Что-то действительно неуловимо сдвинулось в привычном мире вокруг. Изменилась какая-то константа в сложнейшем комплексе пространственно-временных координат. В древности это называли магией. Так шли минуты, но за обманчивой тишиной скрывалась драматическая, исполненная чувств и переживаний, мистерия. В нее были погружены только двое – беглец и мститель, жертва и охотник, долгожитель и мастер иллюзий.

Яма не двигается. Шарканье ног за дверью. «Вот так. Тихо. Иди ко мне...» Яма улыбается кончиками губ. Он чувствует близость противника на расстоянии вытянутой руки, его прерывистое дыхание, его дрожь, его детские переживания и грезы. Это Корчун выворачивает наизнанку пойманного в свои темные объятия человека.

«Слышишь шум крови в венах врага? Слышишь его дыхание? Бешеный стук сердца? Страх, источаемый его мыслями?»

Щелк-щелк. Открылся один замок. Яма не двигается. Он

знает – их должно быть два. Он тщательно изучил дверь, прежде чем начать Игру. Вот он – смертельный ужас, бьющий из-за дверей упругой струей. Поздно. Слишком поздно.

«Неистовый натиск... Ярость... Хищная сталь клинка... Удар...»

«Открой мне дверь. Открой. Открой. Открой...»

Далеко внизу хлопнули входные двери, и в подъезд вошли двое – мужчина и женщина. Шумные, возбужденные, что-то увлеченно рассказывающие друг другу. Их шаги раздаются в замкнутом пространстве подъезда оглушительно громко, особенно для сверхчуткого слуха. Яма не двигается, хотя часть его сознания автоматически фиксирует и анализирует все посторонние звуки.

Яма сжал зубы, чувствуя, что этот досадный эпизод ослабил его концентрацию и как следствие – контроль над жертвой. Человек в квартире ускользнул из сферы влияния его воли, почувствовав секундную заминку.

Щелк-щелк. Открытый ранее замок опять защелкнулся. Это было крайне нежелательно. Нельзя прерывать процесс, теперь придется заново налаживать зыбкий мысленный контакт с отравленным мозгом практически уже совсем доступного игрока. Обычно второй раз это удается значительно труднее, если вообще удастся. Теряется «эффект неожиданности», поврежденная эмоциональная сфера автоматически блокирует все сенсорные центры, замыкаясь на своих видениях, вызванных Корчуном. Словно рыба, сорвавшаяся

с крючка и обезумевшая от боли в разорванной губе, уходящая на дно и не обращающая уже никакого внимания на множество соблазнительных насадок, плавающих вокруг. Вот, кажется... Вот-вот. Игрок почувствовал, что его опять ловят, и инстинктивно заистериковал. Послышались жалобные повизгивания, словно за дверью бился в агонии смертельно раненный зверь.

Через минуту перепуганный насмерть человек начнет орать во все горло и поднимет на ноги весь дом.

– Я ухожу. Слышишь? Ухожу...

Вопли мгновенно стихли. Это агонизирующий разум хватается за спасительную соломинку в тщетной надежде на спасение.

Время пошло на секунды. Яма стремительно двигался по лестнице вверх, преодолевая за один прыжок по шесть-семь ступеней, словно мифический демон, беззвучно несущийся по витым переходам средневекового замка.

Дверь на чердак открыта. Вот и окно. Яма одним прыжком оказался на крыше и почти сразу нашел нужное ему место. Привязав к длинному штырю антенны прочную веревку, он стал короткими прыжками спускаться по стене дома, стараясь огибать светлые участки рядом с освещенными окнами квартир. Окна – самое уязвимое место в любом жилище. Их невозможно полностью изолировать от мира, как дверь, на то они и окна. К тому же обыватели обычно ошибочно полагают, что высота сама по себе является достаточной га-

рантией безопасности. В данном случае это оказалось смертельной ошибкой.

Яма неслышно приземлился на карниз и внимательно осмотрел окно. Кроме стандартных датчиков сигнализации, отключенной в данный момент, на раме и на стекле не было никаких следов сложной охранной спецтехники. Что ж, этого и следовало ожидать – установить такую дверь и забыть про окна, понадеявшись на тонкий слой стекла и высоту в шесть этажей. Глупо.

Яма был уверен, что противника в комнате нет. Скорее всего, Орский сидит до сих пор в коридоре, у спасительной двери, не веря до конца в собственное спасение. Яма ударом выбил стекло форточки и, просунув в отверстие руку, открыл затворную раму изнутри.

«Мы владеем энергией. Эта энергия, подобно клею, соединяет иллюзии, из которых состоит все».

Яма достал из рюкзака и надел двухцветную маску, тут же превратившись в сверхъестественное существо, лик которого был разделен пополам двумя полями – белым и бледно-голубым.

Орского он нашел, как и предполагал, в коридоре. Жалкий, подавленный человек сжался, сидя на коленях и ожидая своей участи. Белое от пережитого ужаса лицо тоже напоминало вырезанную из картона маску, промокшую от слез и соплей. В безумных глазах, затуманенных ядом, немой во-

прос и обреченная тоска.

— К-к-ик-к-т-то... ты? — заикаясь, проблеял банкир, начиная мелко трястись. Яма приблизился к нему вплотную, и в это мгновение Орский неестественно изогнулся, будто его подтолкнула изнутри упругая неведомая сила, и бросился на человека в черном. Яма увернулся от этого броска и ребром ладони нанес короткий сильный удар в ухо противнику. Орский обмяк и начал заваливаться на бок. Его истязатель наклонился и, подняв одним рывком бесчувственное тело, без всяких усилий внес его в гостиную, где швырнул на стол, стоящий посередине комнаты. Занавесив плотными портьерами все окна, Яма достал из сумки четыре тонкие свечи — две белые и две синие, и зажег их, одну за другой выставляя в углах комнаты. Помещение сразу наполнилось призрачным колеблющимся светом. В этом бледном мерцании фигура Ямы казалась нереальной, будто ожившая тень, и особенно зловещей. Черным силуэтом без четких очертаний, он двигался по комнате, превращая ее в ритуальный зал.

Орский застонал и, открыв глаза, заворочался, пытаясь встать со стола, но тут же, получив еще один короткий удар в нервный узел, расположенный в основании шеи, снова впал в беспамятство. Его тут же начало мелко трясти, словно кто-то еще пытался выбраться наружу из парализованного тела. Яма достал из сумки моток веревки и, как многоопытный паук, в несколько ловких движений связал руки и ноги своей жертве хитроумными узлами, делающими невозможным

любое движение. Затем он извлек из сумки зачехленные ножи, планшет с ампулами, два баллончика-спрея с краской и пару резиновых перчаток. Через несколько минут, подготовившись, он встал перед столом, зависнув в странной позе над обездвиженным телом – широко расставив ноги и сложив определенным образом пальцы рук. Сейчас он напоминал древнего жреца, совершающего обряд жертвоприношения.

– Ару мнарк тустремм морх янне, – тихо и монотонно зазвучали в комнате страшные слова на старинном языке, словно заклинание, вызывающее невидимых духов. Яма снова и снова повторял их, пока время не остановилось в этой московской квартире и не закружилось вспять, возвращая двух человек к истоку их смертельного противостояния – в прошлое...

* * *

*Управление специальных операций МУР
Начальнику УСО ОРУ МУР ГУВД г. Москвы.*

ИНФОРМАЦИОННАЯ СПРАВКА № 8

Конфиденциально

(доп. информация по делу УПД 18)

Дата: 12.05.99

Автор: следователь по особо важным делам УСО ОРУ
МУР – П. С. Демин

В ходе оперативной работы сотрудниками оперативно-следственной группы были установлены дополнительные факты, имеющие отношение к делу УПД 18.

1. По факту убийства г-на Орского И. С., квалифицированного как убийство, совершенное, предположительно, на религиозной почве или как ритуальное, были опрошены представители научных кругов. Цель – выяснение принадлежности оставленных на месте преступления ритуальных рисунков к религиозной или оккультной концепции. Консультанты квалифицировали предложенные им материалы – фотографии и графические зарисовки – как набор символов, используемых в определенных мистических традициях (доп. см. пр-е № 5-11.06).

Тот факт, что на теле жертвы обнаружены разрезы различной глубины и длины, также составляющие определенный геометрический узор, свидетельствует о ритуальной подоплеке убийства, характерной для магических ритуалов некоторых тайных общин, существующих в период примерно VIII–XVII вв. н. э. в Китае и Монголии. Работа по дальнейшему анализу данной ритуальной символики продолжается.

2. Анализы крови и органических тканей (токсикологический анализ ТАСПР) показали наличие остатков сильнотоксичного вещества, обладающего активными галлюциногенными свойствами (идентификация вещества ведется с привлечением материалов всех медучреждений, имеющих опыт

работы с ВТВ).

Вещество попало в организм посредством дыхательных путей и, диффундировав через слизистую поверхность в кровеносную систему, распространилось по организму, оказав угнетающее действие на головной мозг, как следствие, парализовав основные моторные функции тела.

Предварительный вывод: предположительно вещество является сублимированным в газообразное состояние токсичном органического происхождения, вероятно растительного вида, психотропного ряда.

3. В ходе отработки официальных и неофициальных контактов г-на Орского И. С. установлено, что он не имел никаких связей с представителями религиозных организаций или сект, которые могли послужить причиной убийства на религиозной почве.

Предварительный вывод: выбор г-на Орского И.С. в качестве жертвы преступления не имеет ярко выраженных мотивов и предположительно является случайным.

* * *

– Лесник. Лесни-и-ик, – шепот тихо вливается в сны человека, проникая сквозь каждую пору кожи, вибрируя на всех нервах, сливаясь с кровью и растекаясь по венам, отравляя мозг.

– Лесссс-сс-нии-иик. – Это был даже не шепот. Дуновение

ветерка, залетевшего в приоткрытое окно. Шипение змеи, ползающей в темноте вокруг дома. Кто-то звал, манил за собой, дурманил разум непривычными звуками. Прошепчет и замолчит, спрятавшись где-то рядом, ожидая пробуждения.

Тишина. Только тяжелые дождевые капли чуть слышно барабанят по стеклу, словно это ночь, жалобно плача, пытается пробраться в дом.

Человек вздрогнул и открыл глаза.

Бизнесмен Борис Вениаминович Перов, в определенных кругах известный как криминальный авторитет Марек, лежал неподвижно, опасаясь спугнуть эту тишину, которая разбудила его своим пугающим безголосым шепотом. Ночь. Перов откинул влажное от пота одеяло и сел на кровати, опустив ноги в высокий, густой ворс ковролина. О сне уже не могло быть и речи. Он вздохнул и, спрятав лицо в дрожащие ладони, забылся в настороженной дреме, съезжившись, сжавшись, словно ожидая удара. В таком состоянии он провел целую вечность, позволяя бессвязным мыслям рассеянно бродить по лабиринтам скованной необъяснимым страхом и томительными предчувствиями души.

...Это все тот же сон, в котором человек без лица преследует его повсюду. От него невозможно скрыться, он везде. Он всегда погружен во мглу, поэтому у него нет лица, нет тела, только голос. Этот жуткий голос. Он сам – мгла. Он пришел, чтобы убивать...

...Нужно что-то делать, бежать, защищаться... Приме-

нить свой Дар, наконец. Но что-то мешает сосредоточиться, сконцентрироваться... Голос! Человек из мглы зовет его. Он уже здесь! Нужен фокус, чтобы разбудить Дар. Какая-то липкая тьма внутри, обволакивающая сердце, легкие, мозг.

Вечность закончилась смутным ощущением чьего-то присутствия. Перов вздрогнул и убрал в стороны руки, вглядываясь в сумрак, царящий в комнате. Он отчетливо теперь чувствовал, что в этой темноте он не один.

– Кто здесь?

Глаза никак не могли схватить что-то важное, какую-то деталь, в которой, собственно, и было все дело.

– Кто здесь, я спрашиваю? Сева, это ты?

Марек знал, что никто из охранников, дежуривших внизу, не осмелится войти к нему в спальню без разрешения или вызова. Но кто-то определенно находился в комнате... Тьма в углу вдруг шевельнулась, приобретая очертания человеческого силуэта. Раздался тихий шелестящий смех:

– Нет... нет...

– Кто здесь? Стоять! Кто? Стоять! Сева!! – Перов закричал, пытаясь не столько позвать на помощь, сколько криком отпугнуть этот оживший вдруг конгломерат теней в углу комнаты.

– Нет, Лесник... Ты зря кричишь, там никого нет. Твои люди уже мертвы...

– Кто ты? Что тебе нужно?

– Я – ЯМА... Я пришел за тобой. – шепчет призрак зло-

веще и приглушенно.

– К-куда? Боже мой... ты? Ты?

Силуэт заколыхался во тьме, и комнату наполнил отвратительный гулкий смех.

– Боже твой? Да... Да... Можешь называть меня так. Я – Человек из Мглы. Я пришел забрать твою молодость и твой темный Дар.

Перов закричал и затравленно осмотрелся в поисках спасения.

Решение пришло сразу. Оконная рама с грохотом разлетелась, и десятки стеклянных осколков, брызнув во все стороны, посыпались вниз, на клумбу под окном. Туда же рухнуло тело Марека вместе с растерзанными обломками пластиковых жалюзи.

Перов, пошатываясь, поднялся на ноги и, сплюнув кровь, наполнившую рот, медленно побежал вперед, не обращая внимания на боль, kloкочущую внутри. Человек из Мглы страшнее боли. Раны заживут за несколько дней, это не проблема. А вот это существо... Прочь! Прочь! Подальше от этого дома, который вдруг превратился в обиталище демонов. Перов сделал несколько шагов и упал, опять поднялся и снова побежал, припадая на одну ногу. А сзади неслось во след:

– Лесник. Лес-сс-ннн-иии-к... Куда же ты? – И снова смех. Жуткий. Завораживающий. Марек застонал и хрипло закричал, не прекращая бега:

– Сева! Охрана!! – Никто не ответил. Скорее всего, они действительно были уже мертвы. Прочь!

Прихрамывая и захлебываясь утренним воздухом, Перов ковылял туда, где в дымке утреннего тумана темнели стволы деревьев, в лес. Там можно отсидеться до утра. Скорее... Когда до спасительной рощи осталось всего несколько шагов, что-то произошло, неуловимо сдвинулось в привычном мире вокруг. Деревья вдруг ожили, зашелестели иссиня-черной листвой, заушали, завздыхали.

Перов остановился и, присмотревшись, с изумлением понял, что каждый листочек на ветках мигает ему, посверкивая голубовато-зеленой люминесценцией. Каждый блик вызывал мучительный приступ тошноты и головокружения. Бизнесмен поспешно закрыл глаза, но картина мигающих деревьев не исчезла. Наоборот, калейдоскоп вспышек замерцал с еще большей интенсивностью. Перов с ужасом понял, что видит сквозь веки. Его тут же вырвало. Затем еще раз.

Бежать. Бежать! Он снова бросился вперед, но ноги подломились, словно лишившись костной основы, и бизнесмен, упав вперед, захрипев и извиваясь, продолжал ползти, раздвигая ослабевшими руками мокрые от дождя стебли высокой травы, судорожно изгибая тело, похожий на змея-переростка, спешащего скрыться в укромной норе.

Перов уткнулся лицом в траву и замер. Затем перевернулся на спину и посмотрел назад, туда, где стоял окутанный тьмой его коттедж. Разбитое окно контрастно чернело

на фоне остальных застекленных окон, похожее на огромную беззубую пасть поприветствовавшего Марека великана. Из этой квадратной черноты кто-то разглядывал обезумевшего окровавленного человека, съежившегося в мокрой траве, у самой кромки леса.

– Гад, сук-ка, а-а-а... – пытался прокричать беглец по прозвищу Лесник, грозя стоявшему в глубине его спальни Человеку Без Лица ободранным в кровь кулаком. Он рыдал, чувствуя, что с каждой секундой грань, отделяющая его от безумия, становится все тоньше. Нервная система агонизировала, разум из последних сил удерживал свои позиции. Когда слезы закончились, его опять стало тошнить, выворачивая наизнанку, скручивая в узлы воспаленные внутренности, выжимая из желудка остатки желчи. Через мгновение он отключился.

– Вставай! Вставай! – Кто-то тормошил Перова за плечо, пытаясь помочь встать. Наверное, он потерял сознание. Прошло уже много времени с момента той жуткой атаки, потому что небо стало чуточку светлее. Приближалось утро.

– Вставай! Вставай! – Голос детский, дрожащий и прерывистый.

Мальчик, казалось, сейчас заплачет. Перов хотел повернуть голову, чтобы рассмотреть пацана, но в шею словно вбили гвоздь. Оставалось только слушать этот голос и пытаться встать на ноги.

«Ничего. Все уже позади. Я живой. Живой!» Свежий

предраассветный воздух приятно охлаждал кожу.

– Ну, вставай же ты. Скорее! Он идет. Вставай! Беги! – Мальчик плачет, отчаянно всхлипывая.

– Что ты, глупый... Все позади. – Распухший язык еле шевелился во рту, производя невнятные звуки. – Уже все, все...

– Беги-и-и! Он идет! Беги-и-и... – Перов наконец повернулся к своему спасителю. Невысокий рыжеволосый мальчуган, одетый вопреки прохладной утренней сырости в легкую рубашку и коротенькие шортики, смотрит на него умоляющими заплаканными глазами. Он сильно напуган, весь трясется от страха и холода.

– Пацан, ты откуда здесь? Успокойся. – Перов положил руку на непослушный короткий ежик рыжих волос. – Я тебя знаю? Ты из деревни? – Слова выговаривались плохо, и Перов подумал, что может напугать мальчика. Рано утром, в лесу, весь в кровище...

– Я не пьяный, ты не бойся. Слушай, где-то я тебя видел... Лесник на секунду задумался, пытаясь вспомнить, где он мог встречать этого симпатичного мальчугана, невесть откуда взявшегося здесь, за пять километров от деревни, в это ранее время.

– Вот он... вот он... – Мальчик уже не плачет, он рычит, словно перепуганный львенок, безумно выпучив глаза и задыхаясь от ужаса.

Перов медленно повернулся в ту сторону, куда смотрел мальчик, и вздрогнул. Через подернутую легким туманом

полян, отделяющую коттедж от лесополосы, к ним не спеша приближался демон, закутанный по шею в темную одежду. Человек Без Лица. Человек из Мглы...

– Гнида долбаная, – зло прошептал Перов и, сжав зубы, попытался еще раз воззвать к своему спасительному Дару, скрывающемуся в недрах психики. Разбудить его, выплеснуть вовне, обрушить на этого ненавистного мучителя невидимые щупальца своей ауры, сжать, раздавить.

Тщетно. Внутри была пустота. Перов обреченно схватился за грудь скрюченными пальцами, словно пытаясь разорвать ее, вывернуть наизнанку и вытащить оттуда свои разрушительные способности, делающие его грозным оружием уничтожения. Бесполезно. А этот, в темном, все ближе. Лесник растерянно обернулся, но мальчика уже не было рядом. Перов вдруг с предельной ясностью понял, что это финал, и устало опустился на землю, наблюдая за приближением своего кошмара. Внезапно опять пошел дождь. Воздух вокруг замерцал, затуманился, потек. Человек в темном подошел к своей жертве и завис над ней, закрывая собой безграничное, почти высветленное небо. Но Лесник уже не имел сил для испуга, он просто сидел на траве, молча, уставившись в лицо своего убийцы, одна половина которого была белой, а другая почему-то бледно-голубой.

Сознание Лесника сжалось до размеров крохотной точки и теперь безучастно наблюдало за этой ужасающей мистерией. Только откуда-то изнутри пришел щемящий импульс,

и какая-то сила стремительно стала подниматься с самого дна внутреннего пространства, захватывая управление над непослушным уже телом. Человек из Мглы обнял его своими сильными руками и прижал к себе, словно блудного сына, как будто пытаясь передавить невидимые тоннели внутри тела, по которым неудержимо рвалось на поверхность этого мира подлинное безумие. Раздался хруст сломанных костей. Жар в голове, вспышка света, судороги, боль...

* * *

Серая «Волга» стремительно въехала на единственную улицу между двумя рядами коттеджей, объединенных одним общим названием – поселок «Лесное», один из самых престижных районов подмосковных новостроек, домов для состоятельных людей. Синие блики проблескового маячка освещали фасады дорогостоящих вилл, принадлежавших влиятельным чиновникам и известным бизнесменам. Скребанув шинами по идеально ровному асфальту, «Волга» резко затормозила перед постом заграждения – «фордом» патрульно-постовой службы. Около автомобиля ППС неподвижно замерли два высоких широкоплечих бойца, одетых в серую камуфлированную форму. Увидев номера подъехавшей машины и мигающий стробоскоп, оба подобрались, вытянулись, поправляя укороченные автоматы, висевшие сбоку.

«Волга» проехала во двор дома, где уже дежурили по периметру здания солдаты полка ППС, стояли машины местного муниципального отдела РОВД, прокуратуры, ФСБ. Из автомобиля вышел невысокий, немолодой уже человек – подполковник Николаев, по прозвищу Эксперт, возглавляющий следственную опергруппу МУРа, спецотдела по расследованию убийств. В соответствии с директивой начальника МУРа, данная опергруппа работала исключительно по делам, имеющим обозначение «ЧП» – «чрезвычайные происшествия». Группа занималась преимущественно такими серьезными проблемами, как терроризм, убийства высокопоставленных или просто известных лиц, чья гибель может вызвать широкий резонанс в массах, а также серийные убийства, которые тоже сильно возмущали общественные круги. В общем, всем тем, за что обычные оперативники не взялись бы ни за какие административные блага. Спецгруппа имела в своем распоряжении не только самые широкие полномочия, но и мощную материально-техническую базу – спецоборудование и современную технику, самых высококвалифицированных медэкспертов, криминалистов, аналитиков, профессиональных оперов. Поэтому появление здесь столь неординарной фигуры было воспринято с энтузиазмом – оперативники всегда с удовольствием делились «глухарями» со своими коллегами или коллегами из сопредельных ведомств.

Подполковник поздоровался с дежурными офицерами, один из которых, капитан из опергруппы РОВД, тут же

кратце обрисовал ему обстановку:

– Сегодня, в 18.32, на пульт дежурного РОВД поступил звонок с сообщением об убийстве. Местные жители обнаружили на окраине леса окровавленное тело мужчины без признаков жизни. Дежурный наряд ППС, проверяющий сообщение, сразу же вызвал опергруппу...

Николаев досадливо поморщился:

– В чем причина вызова нашей группы?

Капитан, молодой широкоплечий парень, смущенно пожал плечами:

– В присутствии понятых была осмотрена квартира погибшего, вернее принадлежащий ему дом. – Капитан кивнул в направлении коттеджа. – Фамилия погибшего – Перов, известный бизнесмен...

– И? – Николаев смотрел на черный прямоугольник разбитого окна, зияющего в доме, ощущая, как нехорошие предчувствия одолевают его все сильнее, коварно шепча на ухо: «Еще... еще...»

– В результате осмотра мы обнаружили еще два трупа со следами насильственной смерти, очевидно охрана. Ну и... – капитан замолчал, подыскивая наиболее удачные выражения, – еще кое-что нашли... Мое начальство посчитало необходимым информировать вас. Ввиду особого характера происшествия, – добавил он поспешно.

– Какого это, особого? – Эксперт удивленно посмотрел на собеседника.

– Вам лучше самому посмотреть, товарищ подполковник...

В доме все было пропитано смертью. Не запахом, а особой некротической энергией, которую могут ощущать лишь некоторые люди в силу своей профессиональной деятельности: прозекторы, солдаты, воевавшие в горячих точках, и опытные оперативники, привыкшие к подобным ощущениям за долгие годы своей работы.

Внешне все выглядело безмятежно: коридор, кухня, шикарный зал с камином, кабинет... Вот только спальня являла собой ужасающее зрелище. Она больше напоминала не жилую комнату, а декорации какого-нибудь психоделического театра. Все стены, с которых были содраны картины и декоративные панно, расписаны уже знакомыми замысловатыми символами, составляющими в целом какой-то жуткий, бьющий по нервам ажурный узор.

Левая стена была расписана синими символами, правая – красными, нанесенными краской, напоминающей кровь. Там, где цветовые поля пересекались, в большой черный круг был вписан огромный бордовый знак – стилизованная свастика и еще какие-то знаки, чуть меньше размером. В углах комнаты в полусидячем положении, подобно атлантам, поддерживающим небо, замерли два трупа, прислоненные к стенам. Рядом лежали, очевидно не востребовавшие ими, пистолеты. Посередине спальни, на большой полукруглой кровати, в ворохе смятого постельного белья, лежал букет из

остро пахнувшей травы и мелких голубых цветов.

Николаев медленно втянул носом воздух, разглядывая рисунки на стенах.

– Полынь, – произнес он еле слышно, – Горькая трава неуспокоившихся душ. Поминальный венок.

Подполковник достал из кармана пачку сигарет и, взяв одну, вышел из комнаты, не проронив ни слова.

Еще один... Это уже серьезно – религиозный маньяк, убивающий видных бизнесменов. Паника, ажиотаж, фобии, истерия... Тогда все. Конец. Страх всегда играет на руку тем, кто использует его умело. *Этот* сеял страх сознательно. Все эти жуткие картины на стенах для того и предназначены. Они деморализуют, ломают волю, подтачивают дух, подобно ржавчине, грызущей металл изнутри. Эти символы сродни визитной карточке, оставляемой убийцей на месте преступления. И если расшифровать их тайный смысл, возможно, удастся прочесть на этой визитке реквизиты ее владельца.

Николаев вышел на улицу, и к нему сразу же подошел представитель фээсбэшной опергруппы:

– Александр Васильевич, забираете дело?

Подполковник хмуро кивнул.

– Да, это наша «серия». Будем сами ее расхлебывать.

Сухопарый майор ФСБ понимающе улыбнулся и развел руками:

– Баба с возу...

Было видно, что он испытывает явное облегчение в связи

с подобным исходом инцидента. В это время в ворота вкатился, неслышно шелестя мотором, бордовый «понтиак» – изящный микроавтобус с тонированными стеклами.

– Ваши? – Фээсбэшник кивнул на автобус, ему явно не терпелось покинуть этот зловещий дом и вернуться в отдел.

– Мои, – пробормотал Николаев и, повернувшись, опять пошел в здание. Из «понтиака» стремительно выходили хмурые люди, деловитые, собранные, знающие цену убегающим минутам. В руках – массивные кейсы, футляры, видеокамеры, штативы...

Николаев на ступенях дома кивнул капитану, стоявшему неподалеку.

– Распорядитесь, чтобы остался только пост ППС, выполняющий оцепительные функции. Все остальные свободны. Посторонних – за оцепрайон. Все материалы, протоколы предварительного осмотра, опрос свидетелей, фото– и видеоматериалы я попрошу передать нашим сотрудникам.

В доме уже велась активная оперативная деятельность. Эксперты разворачивали экспресс-лаборатории и другую спецтехнику, на которую с уважением и неким оттенком зависти смотрели сотрудники из смежных ведомств, покидающие место происшествия.

Подполковник подошел к «Волге» и сел в салон, откинувшись на сиденье. Отсюда ему было видно, как в пустом проеме окна спальни вспыхнули малогабаритные спецлампы, освещающие комнату всевозможными градациями све-

та: обычным, ярким, ультрафиолетовым, инфракрасным...

Николаев поморщился: отчего-то вдруг опять сильно закололо сердце. Непривычная боль острой иглой запульсировала в груди.

«Вот так это и начинается», – тревожно подумал подполковник и медленно стал втягивать воздух через нос, заполняя легкие постепенно. Через несколько минут боль отпустила, но остался неприятный осадок в душе. «Вроде не старый еще. Обидно. Побережся нужно, хватит жилы рвать. Вот поймаю этого „художника“ – и в отпуск. Отдыхать».

К автомобилю подошел медэксперт. Николаев вышел ему навстречу.

– Закончил осмотр трупов, Александр Васильевич. Могу составить только предварительное заключение, более корректные результаты – после вскрытия. У обоих охранников – сильные повреждения внутренних органов: многочисленные переломы костей, внутренние кровотечения, деформация жизненно важных органов – почек, печени, разрыв селезенки, нарушение структуры позвоночного столба. Смерть наступила в результате совокупных телесных повреждений. Судя по расположению трупов, они пытались оказать активное сопротивление. У трупа, найденного на улице, также значительные внутренние травмы, вызванные предположительно падением с высоты. Но смерть наступила в результате расхождения шейных позвонков – от перелома шеи, причем обусловленного, скорее всего, проведением сложного уду-

шающего приема, повлекшего прекращение жизнедеятельности. Действовал явно профессионал. Грубым ударом или жимом на изгиб эти позвонки невозможно рассоединить. После грубого перелома картина несколько другая. Здесь же, можно сказать, ювелирная работа. Ее невозможно спутать с последствиями падения с высоты или...

Николаев рассеянно достал сигареты, но затем вспомнил про сердце и, поморщившись, пробормотал:

– Хорошо, спасибо, Саша. Забирайте трупы. Результаты вскрытия, токсикологический анализ, аналитическая справка – все это мне понадобится не позднее чем через четыре часа.

Из дома выносили упакованные в серые пластиковые мешки трупы, похожие на коконы какого-то огромного животного, отложившего их в этом дорогом коттедже. Подполковник мрачно наблюдал, как их погружают в спецмашину.
«Еще один. Еще один. Еще...»

* * *

Начальнику УСО ОРУ МУР ГУВД г. Москвы

ИНФОРМАЦИОННАЯ СПРАВКА № 16

Конфиденциально

(доп. информация по делу УПД 18)

Дата: 18.05.99

Автор: следователь по особо важным делам УСО ОРУ

1. Согласно материалам вскрытия и проведенному комплексу анализов тканей и крови у одного из фигурантов дела УПД 18 – г-на Орского И. С., главмедэксперт УСМЭ сделал заключение о некоторых несоответствиях физиологических показателей погибшего с данными, указанными в его идентификационных документах. Речь идет об общем состоянии организма, который имеет практически идеальную сохранность всех функциональных систем. В условиях неблагоприятной экологической среды обитания, образа жизни и с учетом его возраста, данная картина является неадекватной наиболее вероятному биологическому состоянию организма. Подобное несоответствие может являться либо результатом исключительно интенсивной медтерапии, либо ошибкой в регистрации данного гражданина органами социального контроля и внутренних дел (имеется в виду оформление паспорта, постановка на военный учет и т. д.).

Консультации у представителей ведущих лечебных и профилактических медучреждений дают основания предполагать, что подобный уровень оздоровительной терапии при тех возрастных данных, которые указаны в паспорте г-на Орского, просто невозможен. Вообще подобное состояние организма является исключительно редким случаем, учитывая все неблагоприятные факторы окружающей среды, которой подвержены все люди без исключения.

Кроме того, выяснилось, что процесс некротического разложения не соответствует обычному циклу трупного распада. Тело прекрасно сохранилось даже без применения стандартного набора фиксирующих спецпрепаратов.

2. В связи с прецедентом, возникшим в отношении погибшего г-на Орского, лаборатория УСМЭ провела комплексные исследования тела другого фигуранта по делу УПД 18 – г-на Перова Б. В.

В результате специальных исследований выяснилось, что физиологическое состояние данного фигуранта также не соответствует всем стандартным нормам развития организма и фазам его разложения. Внутренние органы не имеют естественных органических повреждений, эрозии...

(Мной сделан запрос на дополнительные исследования генной структуры ДНК обоих фигурантов.)

Предварительный вывод: подобные обстоятельства позволяют утверждать, что оба фигуранта имеют общие векторы пересечения по еще не установленным параметрам. *Следовательно, можно предположить, что их выбор в качестве жертв преступлений имеет определенную закономерность, т. е. является неслучайным!*

* * *

Информация только для руководящего состава оперативной части МУР ГУВД г. Москвы

ФОНОГРАММА (расшифровка)

Доп. инф.: УПД 18 (выдержки)

Дата: 22.05.99.

Участники:

1. Начальник УСО ОРУ МУР, подполковник Николаев А. В.

2. Директор Центра оккультных исследований, член-корреспондент Института Востока и стран Азии, профессор кафедры этнографии Каменский Л. Б.

Н.: Лев Борисович, не могли бы вы прокомментировать материал, представленный вот на этих фотографиях?

К.: Очень интересные рисунки. Они имеют отношение к криминалу?

Н.: В некоторой степени. Я не хотел бы вдаваться в детали, если возможно. Что обозначают эти рисунки? Они вам знакомы? Может быть, вам известно, к какой религиозной или оккультной концепции они относятся?

К.: Если бы я обладал большим объемом информации, то смог бы дать вам более исчерпывающие ответы.

Н.: Увы, Лев Борисович, просто не имею права посвящать вас в обстоятельства этого дела. Во всяком случае, на настоящем этапе. Итак...

К.: Что ж, Александр Васильевич, я вас понимаю и поста-

раюсь быть максимально полезным. Давайте посмотрим... Что ж, могу вас заверить, что это не абсурдная мазня шизоида или сюрреалиста. Насколько я понимаю, рисунки содержат в себе чрезвычайно сложную символику пространства и времени. Можно сказать, что это очень глубокая и тщательно продуманная оккультная психографика, несущая в себе не только определенную идею, но и некий энергетический заряд, который выражает чувства и намерения того, кто все это создал. Как вы видите, все рисунки составлены из нескольких иконографических мистико-ритуальных традиций, тем не менее явно взаимосвязанных между собой. Вот, например, посмотрите сюда. Эти символы типологически близки к ритуальной росписи древних тюрков. Вот эти рунические письмена тоже родственны этой группе, великолепные образцы этой письменности обнаружены в Монголии, на реке Орхон, на развалинах когда-то знаменитой столицы Чингисидов – КараКорум, что в переводе означает Черный город. А вот, вы посмотрите, Александр Васильевич, как выполнена вот эта вязь. Напоминает черную паутину, не правда ли? Ее наносили, скорее всего, с помощью трафарета, либо... человек, рисовавший ее, не только неплохой знаток оккультных знаний, но еще и большой художник.

Н.: Лев Борисович, а вот эти знаки? Они расположены как-то странно...

К.: А-а, любопытные знаки... Они похожи на элементы буддийской традиции, хотя... Сложно сказать наверняка.

Например, в той же тюркской среде буддизм так плотно сросся с шаманизмом, что получился совершенно уникальный религиозно-мистический субстрат. Все дело в том, что тюрки имели очень тесные связи с буддизмом. На протяжении столетий культура тюрков соприкасалась с буддийским миром Тибета и Монголии, а еще ранее – с буддийскими центрами Средней Азии и Восточного Туркестана. В процессе адаптации буддийских верований у древних уйгуров сложился своеобразный буддийско-тюркский пантеон. Вот, например, этот символ? Знаете, что он означает? Это имя. Что-то вроде подписи. Оно, кстати, встречается на всех фотографиях и означает оно – Айбыстан или, если хотите, «адский Эрклиг-хан», Черный бог подземного мира Эрлик у алтайцев или в ламаистской мифологии – бог смерти Яма.

Н.: Очень интересно. Я, правда, несколько упустил кое-какие моменты из вашего рассказа, но... если имя этого бога встречается на всех рисунках, значит, это почитатель этого – как вы назвали его – Ямы оставляет нам все эти картинки?

К.: Да, вполне возможно, я ведь не знаю всех обстоятельств этого дела.

Н.: Лев Борисович, простите мне еще раз мою некомпетентность, тюрки – это где-то...

К.: Это очень большая территория Центральной Азии. Но, судя по всему, представленные здесь материалы относятся к Сибирскому циклу. В частности – к Алтаю.

Н.: А-а, понятно. Я и не подозревал, что Алтай как-то свя-

зан с буддизмом.

К.: А это и неудивительно. Очень многие, даже из живущих на Алтае сейчас, не подозревают об этом, как и о многом другом, что происходит в этом загадочном краю. Алтайские археологические раскопки имеют без преувеличения мировое значение. Например, с помощью находок на Алтае доказано, что в Северную и Южную Америку человек пришел из Сибири. Предполагается, что индуизм имеет сибирские корни и где-то в Сибири в незапамятные времена был построен легендарный храм Ханумана. Есть еще много интересных фактов, но я не буду отнимать у вас ваше бесценное время. Для нас в данный момент важен тот факт, что во времена Будды на Алтае действительно складывалась особая цивилизация. И кто знает, может, и Будда в самом деле принимал в алтайских горах высокое посвящение?

Н.: Минуточку. Вы о чем? Какое посвящение? Насколько мне известно, Будда – это... Индия, или Цейлон, Непал, или что-то в этом роде?

К.: Ну, видите ли, Александр Васильевич, не все так однозначно, как вы думаете. Что же касается Алтая, то с ним связано много великих имен. Однако мы отклонились от темы.

Н.: Да уж, столько информации... Не пойму только, что эти рисунки делают в наше время здесь, в Москве?

К.: Это сложный вопрос. Давайте посмотрим дальше. Смотрите...

Н.: Что это?

К.: Это «шаманская Сеть», графическое выражение магической воли шамана. С помощью таких «сетей» шаманы некоторых народностей выслеживают и ловят Кут своего врага или человека, которого необходимо отыскать в стране мертвых.

Н.: «Кут»? Что это значит?

К.: У разных народностей этот термин имеет различное толкование. У одних он обозначает понятие двойника, у других – удачи, воли, жизненной силы. Когда шаман ловит Кут своего врага, про такого человека говорят: «Кам джигён» – шаман съел. Об этой процедуре упоминается в «Сабыр Би-чик» – «Книге о нашептываниях», одном из редких письменных текстов шаманов. Между прочим, эта вязь чем-то напоминает веве.

Н.: «Веве»?

К.: Да. Магический символ колдунов-вуду. У них он символизирует астральную силу и используется для привлечения мощи того или иного духа. Она также напоминает «ключи Ма-ку-тан» – древнюю тайнопись ацтеков, но опять же только напоминает. М-да... Ну ладно, давайте теперь рассмотрим знаки, которые встречаются на всех фотографиях. Это и есть точки пересечения, то, что объединяет все эти рисунки. Вот, например, этот знак. Что вы можете сказать о нем?

Н.: М-м, напоминает стилизованную свастику?

К.: Да, это свастика, опять же, шаманская свастика. Види-

те, как она нарисована? М-м, очень интересно...

В нашей стране сложилось превратное отношение к этому знаку, а ведь свастика – это не элемент фашистской идеологии, так же, впрочем, как и христианский крест, который стал символом жестокости и насилия во многих странах, поработанных крестоносцами. Свастика является очень древним магическим элементом. Это символ благополучия. Это также символ эзотерического буддизма. Ее даже называют «Печать Сердца», по преданию, она была запечатлена на сердце Будды. Известна она также под названием «буддийский крест», «оружие Тора», «мистический крест Джайна». С санскрита переводится как «прекрасный» или «Быть добру!». Очень часто встречается в Иране, Индии, Китае, Тибете, Сиаме, Японии и ряде других стран, где буддизм пустил прочные корни. Хотя одной из стран, где свастика применялась наиболее часто, является, между прочим, Россия. Да-да, свастика являлась главным обереговым символом славянских народов. В праславянских орнаментах она является чуть ли не единственным символом защиты и удачи. Согласно преданиям, огненная свастика была изображена на щите, который Вещий Олег прибил на врата Царьграда. Наиболее популярной у славян была так называемая свастика-Коловрат. Очень распространенным символом свастика была у народов Западной Сибири. Я, например, встречал ее на росписи старинной утвари в Горной Колывани. Вообще, это чуть ли не самый распространенный мистиче-

ский символ. Очень тесно связан он с культом бога огня Агни и культом Ветра. Как символ Агни, свастика обозначает высший Принцип, первичное Начало. Символика Хастамги – свастики – наиболее известна и почитаема среди кочевых Тамг. Крест, который лежит в основе свастики, символизирует Учение о четырех великих элементах. Упоминание об этом знании, в частности, встречается в шаманских обрядниках, посвященных культу Огня, – «*dorben xarī tabun ongge*». Видите, этот знак развернут в другую сторону? Есть два вида свастики: правосторонняя и левосторонняя. Правосторонняя символизирует концентрацию, «завинчивание» энергии, что позволяет открывать проход высшим силам. Левосторонняя свастика считается символом магического влияния. Да, кстати, согласно некоторым источникам, свастика до конца Средневековья была одной из эмблем Христа. А согласно еще одному преданию, Чингисхан носил на правой руке перстень с изображением свастики, в которую был вправлен рубин – солнечный камень. Кроме того, свастика засвидетельствована в традиционной символике Древнего Египта.

Н.: О-го-го, я сегодня узнал столько нового, что голова кругом. Ну, а вот этот знак?

К.: Это очень необычный знак. Он напоминает древний символ богини Иштар, превратившийся со временем в символ ислама. Но на самом деле это нечто иное. Он обозначает древнюю магию, настолько древнюю, что ее можно срав-

нивать с появлением первого человека. Это – Солнце и Темный Полумесяц, Свет и Тьма. Это могущество особого рода. Его практиковали древние шаманские культы, которые рассматривали сферу нашего мира как «лунно-солнечную землю» – «Ёджлукюндю джар». Больше про них мне ничего не известно.

Н.: Однако! Ну да ладно, но я никак не могу понять одного: как связаны между собой все эти знаки? Буддизм, азиатские маги и шаманы, солнце с луной и свастика?

К.: Я же уже говорил вам, уважаемый Александр Васильевич, не все так однозначно, как это может показаться на первый взгляд. Я чувствую, что здесь зашифрована какая-то важная идея, какой-то глубинный пласт чего-то грандиозного. Но для того чтобы проанализировать свои впечатления, мне необходимо время.

Н.: Боюсь, Лев Борисович, у меня его нет.

К.: Я понимаю, понимаю, но вот так сразу, сейчас, я вам вряд ли скажу что-то большее. Эти знаки... Они ведь не случайно расположены подобным образом. Скорее всего, они являются указателями, которые задают направление. Вот, посмотрите: Солнце, оттененное Луной, крест Джайна, или свастика, – они имеют одно и то же значение и, словно ступени, ведут нас к пониманию идеи, которую хотел выразить ваш таинственный художник. Я ведь неслучайно в своем рассказе об Алтае проводил параллели с другими религиями. Уже давно известно, что все мифы, подобно ветвям одного

дерева, питаются из одного корня. Так и все магические традиции имеют свою точку отсчета. Вот, смотрите, на всех рисунках идет четкое разделение на два цветовых поля – красное и синее. Свет и Тьма. Солнце и Луна. Они всегда взаимодействуют друг с другом. Солнце в мистической традиции – источник Силы, Луна – источник Мудрости и Тайны. Полумесяц был священным символом вавилонской и халдейской Астарты, египетской Исида и греческой Дианы. Позднее, между прочим, использовался в символике, связанной с Девой Марией. Кстати, Лунную свастику изображали внизу живота богини Иштар. А вот символ Солнца – огненная свастика, огненный знак. Вот здесь, видите, у этого знака нарисованы два протуберанца, два крыла? Крылатое божество. И вот здесь тоже. Темное солнце – и тоже с крыльями. Крылатая Тьма и Крылатый Свет. Это на самом деле очень символичное дополнение к общей картине. «Непознаваемая Тьма» расправляет свои крылья, «Кали Хамса», Черный Лебедь или, как его еще называли, «Хун Шубун», Черный Гусь – Мудрость во Тьме. А вот этот знак может символизировать Крылатого бога Солнца.

Н.: Уф. Боюсь показаться вам несносным тупицей, Лев Борисович, я окончательно запутался. Это невыносимо. Я полностью потерял нить понимания. Мне необходим небольшой тайм-аут. Давайте немного отдохнем, попьем кофейку...

К.: С удовольствием, Александр Васильевич, с удоволь-

ствием!

Н.: Одно для меня по-прежнему остается неясным: что он хотел сказать этими рисунками?

К.: На этот вопрос, боюсь, сиюминутного ответа вы сейчас не получите. Хотя... у меня есть одна гипотеза. Она странным образом перекликается с темой моих последних изысканий. Но я надеюсь, Александр Васильевич, получить от вас гораздо больше исходной информации, это облегчит мне работу. Ведь очевидно, и не пытайтесь это скрывать, все эти рисунки связаны со смертью. Ведь так?

Н.: М-м, можно сказать, что так.

К.: Эти рисунки – часть ритуала. Древнего ритуала. Человек, создавший их, вероятно, принадлежит к какой-нибудь секте или является специалистом по оккультизму. Ясно одно – эти рисунки выражают определенное мировоззрение, они очень тщательно продуманы и созданы с величайшим вкусом и мастерством. Этот человек – мастер. Но мировоззрение, которое он выражает посредством своих работ, устрашающе. Оно основано на древней магии. И еще одно я могу сказать вам наверняка: с этим человеком у вас еще будут проблемы.

Н.: Почему вы так думаете?

К.: Потому что вот этот знак, выполненный на всех фотографиях темно-красной краской, очевидно кровью, обозначает символ Проводника.

Н.: Проводника?

К.: Да. Проводник – Дух смерти. Он уводит человека в подземный мир, когда наступает его время, и проводит его через Ворота иного мира. Ваш художник явно ассоциирует себя с чем-то подобным. Да и эти знаки: Солнце, вписанное в темный круг с неполной Луной, и свастика, они действительно символизируют запретную область. И то, что этот человек использует их в своих ритуалах, говорит о том, что он может быть опасен, очень опасен. Согласно догматам розенкрейцеров, Свет и Тьма сами по себе тождественны, они разделены лишь в человеческом уме. Понимаете? Вот что он пытается вам объяснить. Красный и синий цвет, Солнце и Луна... И если Крылатый бог Солнца – светлое божество, то обычно упоминается и его вторая половина, неотъемлемая часть его сущности – Великая Тень – темный бог-разрушитель...

* * *

Николаев устало откинулся на спинку кресла и, закрыв глаза, помассировал пальцами виски. В кабинете было темно. Свет зажигать не хотелось, хотя свечение монитора многократно усиливало давление на глаза за счет контраста с окружающей темнотой.

«Домой ехать поздно уже... – подумал подполковник и посмотрел на часы, – половина третьего». За окном ночь – время тишины, самое удобное для работы, требующей концентрации и отсутствия внешних помех.

«Как это утомительно, сидеть и ждать, пока этот мистический киллер умертвит очередную жертву, вполне вероятно, что тоже с физиологическими аномалиями. Интересно, сколько их в Москве, этих „аномальщиков“? И почему этот убийца их так ненавидит? Каменский назвал его мастером. Возможно. Людей он мочит действительно мастерски. Но зачем ему весь этот балаган с рисунками? Демин считает, что весь этот ритуальный антураж – блеф, нагнетание страха. Что ж, это тоже версия. Но Каменский, похоже, придерживается иной точки зрения. Мощный мужик! У него в голове невероятное количество информации: аналогии, ассоциации, гипотезы, мифы... Рисунки-то он сразу по полочкам разложил: там – свет, там – тьма, там – добрый светоносец, там – его зеркальное отражение, дух-убийца. Жуть!»

Николаев посмотрел на экран монитора, где высвечивались данные по обеим жертвам этого темного бога или его жреца. Фамилии, имена, места работы, адреса, место предыдущей работы и т. д. Уже более четырех часов подполковник сидел вот так перед компьютером и всматривался в этот список, пытаясь все-таки понять, разобраться, что же объединяло этих двух несчастных в их прошедшей жизни и что могло послужить причиной того интереса, который проявил к ним убийца? Охранники господина Перова в данном случае в расчет не идут, так как, вероятнее всего, они оказались втянутыми в этот ужас случайно. У них-то с физиологией оказалось все в порядке. А вот у этой парочки... Кто они? В

какой клинике получили свое идеальное здоровье? Ответ на этот вопрос мог бы послужить ключевым звеном в разгадке всей головоломки. Согласно документам, подлинность которых, кстати, поставлена сейчас под сомнение, этим людям было уже около сорока. А состояние внутренних органов – как у двадцатилетних юношей, все двадцать лет проведенных в идеальных условиях обитания. Согласно анализу ДНК – вероятно способность к повышенной регенерации, т. е. восстановлению любых органических повреждений, за исключением разве что смертельных, как показала практика. Прямо – Ното super, сверхчеловек...

Николаев встал и прошелся по кабинету, разминая затекшие ноги и спину. Подошел к шкафчику в углу кабинета и, достав из него пакет с кофе, насыпал в кофеварку двойную порцию. Домой ехать хотело лишь уставшее тело, возбужденный ум нетерпеливо жаждал продолжения изысканий. Подполковник сел обратно за стол, отпив обжигающий кофе. На столе коротко тренькнул звонок транковой спецсвязи. Николаев взял трубку:

– Слушаю.

– Алло, Александр Васильевич, вы где? – Это был капитан Демин.

– Я у себя, в кабинете. Ты где, Паша?

– Я в управлении. У нас новости.

«Началось», – мрачно подумал Николаев и пробормотал, чувствуя, как опять нехорошо заняло сердце:

– Что, еще?

– Не совсем, хотя и возможно. – Демин был бодр в любое время суток, и по его голосу невозможно было определить степень его волнения или озабоченности. – Нужно разобратся...

– Сколько их? – сухо спросил подполковник, откидываясь на спинку кресла и расстегивая верхнюю пуговицу сорочки.

– Трое...

«Вот дерьмо. Значит, их уже семеро...»

– Александр Васильевич, тут нужно выяснить некоторые обстоятельства. Может, это и не наши вовсе. Дело почти месячной давности. Я отработывал все ЧП за последнее время по Москве и наткнулся на них. Кое-что мне показалось странным. И хотя общая картина несколько иная, чем в наших случаях, некоторые моменты заставляют насторожиться. Вы еще долго у себя будете? Я бы прямо сейчас подъехал.

– Я тебя жду.

– Буду через двадцать минут.

Сигнал отбоя дал отсчет долгим двадцати минутам, в течение которых, эксперт это знал, зловещие домыслы будут терзать его воображение новыми ужасами.

– Вот они. – На стол легла папка с подколотыми к уголовному делу стандартными фотографиями, на которых в нелепых позах застыли трупы.

Николаев мрачно рассматривал их, пытаясь увидеть по-

черк Духа, так оперативники условно называли ритуального убийцу, затем перевел взгляд на капитана:

– В чем схожесть ЧП?

Демин склонился над столом и, взяв в руки глянцевые фотоснимки с жутким содержанием, принялся объяснять:

– Месяц назад, десятого мая, в лесополосе, окаймляющей Каширское шоссе, были обнаружены трупы трех мужчин. Все трое установлены. Вот этот – Пеньковский Григорий Дмитриевич, этот – дважды судимый Кутаев Олег Васильевич, этот – тоже судимый, Гурзовский Виктор Степанович. Рядом с трупами находился автомобиль «Жигули» девятой модели, принадлежавший одному из убитых – Пеньковскому. По факту убийства возбуждено уголовное дело и выдвинуты две рабочие версии: одна – сведение личных счетов, другая – передел влияния в криминальном бизнесе. Версия – убийство с целью грабежа или угона транспортного средства – сразу отпадала: все деньги и автомобиль были нетронутыми. По сведениям оперативников РОВД, которые вели это дело, все трое занимались «черным извозом» – кидали гостей столицы, предлагая доехать до города по бросовой цене. Может, не поделили что-нибудь, может, дорогу кому-то переехали, а может, кинули кого-нибудь не того, в общем, все трое со следами насильственной смерти – в темном лесочке, куда наверняка сами лохов возили «брить».

Николаев еще раз внимательно изучил изображения трупов, действительно отмечая что-то непривычное в их позах.

Хотя какая может быть привычность в расположении мертвых тел. Смерть редко приходит к таким людям безмятежно. «Клиенты» УСО с жизнью расстаются обычно мучительно и тяжело. Столько уже подполковник перевидал этих искореженных тел, и, казалось бы, должен уже привыкнуть. Но оказывается, к этому привыкнуть невозможно. Смерть ведь тоже мастер на все руки. Ее окоченелые «скульптуры» постоянно быют по подсознанию, обдавая могильным холодом даже с фотографии. А в этих трупах есть что-то еще, что-то...

– Паша, я не хочу читать описание и заключение. В двух словах...

Демин хмыкнул и, кивнув на принесенные им материалы дела, произнес:

– Автомобиль был один. Трупов – три. Значит, пассажиров было максимум двое, перегруженную машину тормознули бы на КП. Все трое – здоровые молодые мужики. Один в прошлом – мастер спорта по боксу. И все трое – трупы. У всех троих почти все кости сломаны, словно их через дробилку прогнали. Причем характер повреждений дает основания предполагать, что все участки костной структуры были нарушены точными сильными ударами. Я консультировался у спецов, они разводят руками. Мастера такого класса у них – по пальцам. Причем все – сотрудники силовых спецподразделений. Спортсмен не сможет действовать столь эффективно и... эффектно. Однозначно лишь одно – здесь поработал настоящий костолом. Профи высшего класса. Пред-

ставляете, с какой скоростью он должен двигаться, чтобы обработать всех троих, и с какой силой должен лупить, чтобы кости в нескольких местах просто взрывались? Да, вот еще что, он разложил их как-то странно. Словно нам послание оставил. Мол, и эти «огарки» – тоже моих рук дело. Правда, никаких рисунков шизоидных, но...

Демин замолчал, выжидательно глядя на Эксперта. Николаев, прищурившись, перебирал фотографии, пытаясь поймать то неуловимое ощущение, которое всегда присутствовало вокруг деяний Духа. Очень хотелось верить, что эти жертвы принадлежат руке другого убийцы, но интуиция уже коварно шептала подполковнику, что никакой другой убийца действительно не сможет действовать так эффективно и... эффектно.

«Это он. Он. Он. Он все еще здесь... Это он».

– Какого ты говоришь числа были обнаружены трупы?

– Десятого мая.

– А первая жертва Духа зарегистрирована...

– Одиннадцатого. Орский.

– Это он, Павел. Я уверен, это он. И это – тоже наши клиенты.

Эксперт бросил кипу фотографий на стол, и они разлетелись по гладкой поверхности несимметричным веером.

– Значит, он прилетел десятого или девятого в Домодедово?

– Выходит, так.

– И тут же оставил нам послание. Первый указатель. Это значит, уважаемый Павел Сергеевич, – Эксперт назидательно направил на капитана указательный палец, – что наш «азиатский ястреб» прилетел все-таки оттуда, где, как предполагает профессор Каменский, взяла начало человеческая цивилизация.

2. БЕЗЫСХОДНОСТЬ. СНЫ

Шаман

(Главы-ретроспекции, 1992 г., Барнаул)

*«Мем но яй зд он ве увтн иМк а. к Пс ио чме мК уо вирмо
ев н. н.»о Тт аа кк?н аВ че ир но ая ет тн со я, потому, что
тогда, когда я начал делать свои записи, я точно не мог уже
сказать, кто я такой на самом деле. Дневник и задумывался
именно для того, чтобы хоть как-то систематизировать
свои мысли и упорядочить свою жизнь, которая взорвалась,
когда я встретил их...*

*Тайшины... Шаманы тайного клана Волка. Они уничтожили
прежнего Максима Коврова и создали его заново, вложив
в него нечто запредельное, что большие не позволяло ему*

быть обычным человеком. Я начал писать этот дневник, чтобы не свихнуться. Я никому не мог поведать о том, что происходило со мной тогда, поэтому оставалось лишь одно – разговаривать самому с собой на страничках этой тетради. Это было воистину жуткое время для меня. Я совершенно не понимал, что со мной происходит, мрачный и таинственный мир неведомого постепенно овладевал моим рассудком, моим телом и моей душой. И в то же время привычный для меня мир вдруг в один прекрасный момент предал меня, превратившись в хитрого и коварного преследователя. Я оказался между двух огней, каждый из которых хотел меня испепелить и в одинаковой степени угрожал моему разуму. Я назвал тот период Безысходностью. Эта рукопись, составленная из моих черновиков, позволила мне не сойти с ума, снять колоссальное напряжение, которое царило у меня внутри.

ЗАПИСИ В ДНЕВНИКЕ

(Максим Ковров – 21 год).

«20.06.92 г., время – 02.36 (ночь)

Проснулся в холодном поту – опять все тот же сон! Оба чудовища – Йорм и Зеркальщик – снова охотились за мной. Я больше не могу это терпеть! Жуткая боль во всем теле. Я опять выбрался из своего сна, приложив поистине нечеловеческие усилия, извиваясь на кровати от этой адской боли. Хорошо хоть сегодня не кричал. Все спят, значит, на этот раз обошлось.

Как обычно, проснулся только Арчи, тревожно меня разглядывая. Боже, как мне плохо! Тряхнуло так, словно прижался к оголенному высоковольтному проводу. Лежу, прихожу в себя, пытаюсь расслабиться. Что же это делается, а?

Сильно помогают записи – я отвлекаюсь. Вот и сейчас, накрылся одеялом и пишу при свете фонарика. Рука дрожит, как у алкаша. Может, это от боли, а может, от страха. За окном – ночь. Жутко! Боюсь увидеть бликующий силуэт Зеркальщика в темноте комнаты. Или услышать этот жуткий звук «Йормммммм..... орм....

мммм...». Тогда точно сойду с ума. А Йорма вообще нельзя увидеть во тьме. Он сам – тьма. Может, он и сейчас там, в гостиной, висит под потолком и смотрит на меня. Хотя его наверняка учуял бы Арчи и поднял лай. Говорят, собаки очень чувствительны к призракам. А Арчи всегда настороже. Мой верный пес. Дремлет, но я знаю, он слышит малейший звук. Дружище Арчи. Его присутствие внушает какой-то необъяснимый покой. Он, словно телохранитель, бодрствует со мной ночами, а затем отсыпается днем, бедняга. Мне же сегодня днем придется туго. На этот раз „выворот“ был что надо! Выворачивает от души! Наверняка температура подскочит под сорок, нахлынет эта одуряющая слабость, и буду несколько дней валяться в кровати. Черт подери! Тьфу-тьфу... Упоминание чертей сейчас неуместно. Ничего. Отлежусь. Во всяком случае, после

„выворотов“ эти твари дают мне передохнуть. Откуда они взялись? Что это – шизофрения? Еще немного, и я точно сойду с ума. Рассказать обо всем родителям? Поймут ли? Пока у меня только один друг – Арчи, которому я могу доверить свои секреты. Нужно, кстати, пойти погулять с ним, пока совсем не скрутило. Нам обоим безумно нравятся эти прогулки по ночному городу. Я постепенно прихожу в себя, а Арчи бесится, как щенок, без поводка и намордника. Он у меня совсем стал ночной собакой. Сам черный как смоль, словно и правда кусочек ночи. Я и его втянул вслед за собой в этот кошмар, сбил псу все биоритмы. Вон, поднял свою остроухую голову и смотрит на меня. Уловил мое настроение? Как он почувствовал? Может, он телепат? Я не удивлюсь. С такими ушами можно услышать все, даже мысли. Редкий красавец! И к тому же на самом деле – мой единственный друг. Он один знает о моих проблемах. И он, только он защищает меня от них.

Все, заканчиваю писать. Никогда еще не писал так много, даже палец заболел. Но тем не менее легчало. Кроме того, мне важно максимально зафиксировать первые впечатления от „выворотов“, пока они свежи в памяти. Днем все воспоминания об этих диких сновидениях стремительно тускнеют и забываются. Уже к вечеру я ничего не помню. Остается только боль, температура, мои записи и безликий, тягучий страх. Безысходность. Ладно, все. Пора освежить мозги...»

«20.06.92 г., время – 11.30 (день)

Так я и думал. Полный отруб. Лежу, словно игрушка без батареек. Абсолютная обесточенность, слабость и тошнота. В глазах – черно-красная пелена. Дальше будет еще хуже, я знаю...»

«21.06.92 г., время – 9.17 (утро)

Температура – 39,7. Самочувствие на нуле. Пошел в туалет и упал в обморок. Рухнул в угол и очухался только через пару минут. В глазах – тьма и мерцающая зелень. Еле дополз до кровати. Всего трясет, уши заложило, в животе спазмы и пульсирующая боль. Да-а, так меня еще никогда не прихватывало...»

«... время – 15.43 (день)

Вроде отпустило немного. Приходил врач, растерянно осмотрел, с диагнозом – заминка. Назначил какие-то таблетки, я их выбросил в форточку (от чудовищ таблетки вряд ли помогут). Вообще, мерзкий тип. Арчи хотел его уку-сить. Чувствительный пес! После панического бегства врача-очкарика подошел и положил голову мне на грудь. Сразу стало легче. Собаки – потенциальные экстрасенсы. Арчи – точно!»

*** * ***

– Первая пара: Пешков – Кутасов, вторая: Ковров – Медянник...

Максим кивнул и сел вместе с остальными учениками на пол, наблюдая за джиу-кумите, поединком первой двойки. Все началось как обычно: поклон сэнсёю поклон залу, поклон сопернику и... хаджиме! Бой начался. Бойцы замерли на мгновение, оценивая потенциал противника, а затем медленно пошли на сближение. Додзе – школьный спортзал – замер. Слышны только шлепанье босых ног спаррингующихся по деревянному полу и громкие крики во время нанесения очередного удара.

– Не танцуем, жестче работаем. Это вам не балет... – Сэнсэй, молодой парень по имени Володя, кружил вокруг соперников, словно тигр, отмечая каждое их движение. Он сам был очень жестким бойцом и старался передать этот стиль ведения боя своим ученикам. Карате он начал заниматься лет семь назад, во Владивостоке, у настоящего японского мастера. Но, помимо восточных единоборств, в арсенале Володи была многолетняя практика уличного боя, которая и наложила основной отпечаток на методику его преподавания.

– Яме! Закончили. Следующие.

Максим поднялся на ноги и, разминая мышцы, вышел на освободившееся пространство импровизированного татами – участка пола, огороженного со всех сторон сидящими на полу учениками.

– Повторяю, основная цель воина – вывести противника из строя наиболее эффективным методом и с наименьшей затратой сил. – Сэнсэй объяснял эту аксиому присутствующим.

щим каждые пятнадцать минут тренировки. – Запомните, мы не на спортивной арене и не перед девочками во дворе. Карате – это искусство, созданное в первую очередь для выживания. Танцы и красование здесь неуместны. Приготовились...

Это относилось уже исключительно к новой паре, вышедшей на татами. Максим почувствовал возбуждение, разрастающееся внутри упругой волной. Хаджиме! Бой начался...

Максим медленно шел по вечернему проспекту, равнодушно разглядывая редких встречных прохожих.

Сумерки. Значит, скоро придет пугающая ночь, окутывающая своим звездным покрывалом небо, землю, разум. НАВАЖДЕНИЯ...

Максим задрожал от одной мысли, что эта ночь может принести новые наваждения, новый «выворот», после которого он может уже не оправиться – сердце после очередного ночного кошмара стало болеть все сильнее, и неизвестно, где заканчивается граница, до которой организм еще может противостоять этим жутким нападкам неизвестного.

Вот и дом. Максим остановился в нерешительности, не зная, что делать дальше. Он зашел в подъезд и смутно почувствовал какой-то дискомфорт. Какое-то раздражающее чувство, покалывающей холодной волной пробежавшее по шее, спине, ногам. Подъезд был погружен во мрак: опять перегорела лампочка. Привычная ситуация, но почему тогда так

бешено колотится сердце? Максим постоял несколько минут, давая глазам привыкнуть к темноте и попутно вслушиваясь в тишину, которая почему-то дышала на Коврова холодным предчувствием. В подъезде кто-то был. Максим понял это даже не по посторонним звукам. Тот, кто тоже стоял неподвижно, где-то на верхних этажах, выдал себя своими мыслями, которые ощутимо стекали по ступеням вниз тонким ручейком злобы и ненависти. Странное ощущение. Будто пришедшее откуда-то издалека, из затерянного в глубинах внутреннего пространства, прошлого. Максим нахмурился и, напрягая и расслабляя одновременно все мышцы, подготавливая тело к схватке, медленно двинулся вперед, неслышно ступая на гладкую поверхность лестничных ступеней. Когда он поднялся на второй этаж, ему показалось, что кто-то шевельнулся на площадке, в одной из ниш квартир.

– Кто здесь?

Из ниши выскочил человек. Максим вздрогнул. Человек явно ждал здесь кого-то, может, его, Коврова, а может, кого-нибудь другого – с наступлением ночи улицы и подъезды Барнаула становились зонами повышенного риска.

– Ну, и что дальше?

Максим сразу мысленно назвал человека Злобным – от него во все стороны расходились просто физически ощутимые волны злобы и агрессии. Словно в подтверждение этому, человек молча бросился вперед и вниз, атакуя Коврова. Максим сделал блокирующее движение руками и, оста-

новив движение противника, провел «сэн-о-сэн» – синхронный контрудар. Злобный отлетел на метр назад и врубился в стену, но это лишь разозлило его еще больше. Он снова прыгнул на Коврова, на этот раз не пытаясь использовать вес тела, а нанося удары руками, от которых Коврову трудно было уклоняться в замкнутом пространстве небольшой площадки между этажами. Максим отпрыгнул назад, затем пробежал по ступенькам вниз на более широкое пространство первого этажа. Этим прыжком он разорвал дистанцию и получил секундную фору, для того чтобы подготовиться к более серьезному поединку. Было что-то нелепое в этой ситуации, что-то обидное – драться всего в нескольких шагах от собственной квартиры, где сейчас даже не догадываются об этой схватке члены его семьи. «Ну, ничего, ничего. Собирайся, боец! Хаджиме! Ос!» Максим встал в стойку, и вовремя – Злобный был уже рядом. Он прыгнул на Коврова, но тут же получил сильный удар ногой в грудь.

– Ты что, debil, смерти ищешь?

Злобный немного оправился после удара, восстанавливая дыхание, и снова молча бросился на Коврова. Волны ненависти заполнили площадку. Это была не просто ненависть маньяка или бешенство обдолбанного наркомана, это была сконцентрированная ярость, направленная именно на него, Максима. Злобный неистовствовал. Скорее всего, он стоял здесь, в темноте подъезда, и ждал не случайную жертву, а вполне конкретного человека. Максим опять блокировал

несколько ударов в лицо и нанес, с подшагиванием, контратакующий удар ребром ладони в голову противника. Затем подпрыгнул вверх и, провернувшись в воздухе, ударил ногой ему в грудь, откинув назад. Пора было завладеть инициативой. Максим бросился вперед и, войдя в ближний бой, стал наносить противнику короткие жесткие удары кулаками, локтями и коленями. Сломив сопротивление Злобного, он уже просто избивал его, выплескивая наконец-то напряжение, которое царило внутри все последнее время.

В подъезд кто-то вошел, но, услышав в темноте возню и звуки драки, торопливо выбежал обратно на улицу.

Злобный медленно осел по стене, запрокидывая вверх окровавленное лицо. Максим наклонился к нему и угрожающе спросил:

– Ты ведь меня ждал, да, гнида? Кто ты такой? Кто тебя послал, ублюдок?

Он положил руку противнику на плечо и, нащупав большим пальцем выемку под ключицей, с силой надавил. Злобный зашипел от боли и потерял сознание. Максим постоял над телом несколько секунд, соображая, что же теперь делать, затем медленно пошел к выходу. На улице должны быть люди, их нужно попросить вызвать милицию. Этого агрессивного подонка нельзя было оставлять в подъезде. Нужно узнать, кто он и что здесь делал. Максим вышел на улицу, вдыхая полной грудью свежий вечерний воздух и встряхивая гудящие руки. И тут же услышал за своей спиной громкие

шаги. Обливаясь кровью и оскалив зубы, из темного подъезда, пошатываясь, вышел Злобный. В руках у него была заточка. Видимо, не успев или не захотев воспользоваться ею в помещении, он явно намеревался пустить ее в ход сейчас, на улице. Мутные глаза, то ли от сотрясения, то ли от наркотического опьянения, с ненавистью уставились на обидчика. Ковров сплюнул и, сжав зубы, стал медленно приближаться к вооруженному противнику.

«В нескольких шагах от собственной квартиры...»

Злобный хрипло закричал и бросился вперед, держа оружие перед собой. Его порядочно качало, и было непонятно – от наркотиков или все-таки от ударов, сотрясших ему вестибуляр.

Максим ушел в сторону с линии атаки и ударил по вытянутой руке с заточкой, опять входя в ближний бой. Удар в солнечное сплетение, в нос, в ухо, в челюсть, в нос, опять в ухо... Следующим ударом ребром ладони Максим сломал противнику ключицу, а последним ударом ноги отбросил Злобного к стене, ударившись о которую тот упал с глухим звуком на землю. На этот раз бой был окончательно закончен, так как злоумышленник лежал без движения, с хрипом втягивая в себя воздух. Максим подошел к нему, чувствуя, как бушует в венах адреналин, смешавшийся с кровью, и, подняв на руки изломанное тело, понес его через темный палисадник к мусорным контейнерам, стоящим в самом углу двора. Швырнув окровавленного противника в груды мусо-

ра, заполнившую наполовину бак, Ковров стремительно пошел прочь от этого места. Злости уже не было, только обреченность. И пустота... «Actum ne agas» – «Что сделано, то сделано».

«04.07.92 г., время – 6.24 (утро)

Начинаю сходить с ума. Что-то происходит с миром вокруг. Мне страшно...»

* * *

«Алтайский краеведческий музей». Максим стоял перед небольшим двухэтажным зданием, переводя взгляд с таблички на стене на приземистые пушки, выкрашенные в зеленый цвет и замершие в почетном карауле около входа.

Этот музей был знаком Максиму по школьным экскурсиям, но это было давно. Ковров уже даже забыл, что есть в этом городе подобное заведение. Действительно, если бы не проходил мимо и не увидел грозные некогда орудия, стоящие у входа, то, очевидно, никогда и не вспомнил бы о его существовании.

Максим посмотрел на часы. Начало пятого. Жара, повисшая в воздухе густой пеленой, подгоняла в поисках спасительной прохлады. Ощущение ностальгии было настолько сильным, что Ковров решительно толкнул невзрачную, обитую дерматином дверь.

Внутри было прохладно, в вестибюле царила особая атмосфера, пропитанная запахом времени, характерным только для музеев и сразу же напомнившим о детстве. Купив билет, Максим выбрал направление наугад и шагнул в большой зал, заставленный витринами с фотографиями, монетами и одеждой. Экскурсия началась...

Зрелище, вопреки его ожиданиям, захватило его настолько, что он забыл о времени. Он зачарованно рассматривал мумии зверей и птиц, выставленные на втором этаже, кости далеких предков, каменные породы, среди которых были даже настоящие метеориты... Все это, уже виденное много лет назад, теперь воспринималось совершенно иначе, с чувством какого-то благоговения. Живая история...

Посетителей было немного. Максиму встретился лишь какой-то подвыпивший пенсионер, две девочки школьного возраста, и был еще кто-то, чье присутствие Ковров почувствовал, но не разглядел, кто это был. В отражении стенда «Товары, привезенные из Монголии» мелькнул неуловимый силуэт, и Коврову показалось, что это была женщина. Во всяком случае, он почувствовал терпкий аромат духов.

На полке выстроились в ряд крохотные разноцветные фигурки мудрецов, похожие на нэцке. Их было девять, и все они были сделаны с удивительной тщательностью, свидетельствующей о высокой квалификации мастера, их изготовившего. Рядом с мудрецами замерла бронзовая статуэтка какого-то злобного божка, уставившегося в зал гневным

взглядом. Далее сидел в цветке лотоса безмятежный бронзовый Будда, отрешенный и таинственный. Максим с удивлением отметил, что дома, на полке, у них раньше стояла фигурка Будды, очень похожая на эту. Вероятно, тоже очень старинная.

Максим посмотрел на часы. Странно, он уже успел обойти почти весь музей, хотя прошло чуть более двадцати минут. Невероятно. Присмотревшись к циферблату и убедившись, что стрелки исправно отсчитывают секунды, Максим растерянно подумал: «А может, в этих стенах действительно особое течение времени?»

Рядом кто-то деликатно кашлянул, явно привлекая к себе внимание. Максим вздрогнул, очнувшись от размышлений, и увидел, что опять стоит перед большой экспозицией, состоящей из предметов, принадлежащих народам тюркской группы, собранных в конце прошлого века. В самом центре экспозиции висел огромный шаманский бубен в окружении различных специфических предметов, используемых в ритуалах вызывания духов. Странно, Ковров уже просматривал этот стенд, и вот теперь оказался перед ним снова. Кто-то опять кашлянул, и Максим увидел, обернувшись, что позади него стоит немолодой уже человек с коротко подстриженными черными волосами, среди которых контрастно выделялись несколько седых прядей. Раскосые глаза и смуглый цвет кожи выдавали в нем жителя горных районов. Одет алтаец был в дорогой серый костюм, свидетельствующий о со-

лидном достатке и хорошем вкусе владельца. Очки в тонкой золотой оправе придавали ему респектабельный вид, завершая образ преуспевающего человека. Мужчина явно пытался обратить на себя внимание Коврова, но теперь почему-то смотрел мимо него на экспозицию.

– Это – тюнгур. Бубен, – произнес незнакомец, словно комментируя и без того очевидные вещи. Максим кивнул и снова повернулся к стенду, рассматривая испещренную узорами поверхность бубна. Возникла неловкая пауза. Мужчина, будучи, скорее всего, директором музея, тихо спросил:

– Интересуетесь?

Максим улыбнулся и пожал плечами.

– Немного. А это настоящее?

– В каком смысле? – Алтаец говорил чуть слышно, будто опасаясь потревожить царящую в зале тишину.

– Ну, это? Вот это все? Настоящее или бутафория?

– Станный вопрос, – мужчина по-прежнему стоял за спиной, и Максим почувствовал мимолетное раздражение от подобного стиля общения, – а ты сам разве не чувствуешь?

– А разве это можно почувствовать?

– Конечно! Это необходимо чувствовать, чтобы определить истинную сущность вещей. Иначе все вокруг будет беспрестанно обманывать тебя, Адучи.

Максим удивленно обернулся на незнакомца и увидел улыбку на его лице.

– Тенгри сени кортит, – произнес алтаец еще одну непо-

нятную фразу и опять улыбнулся.

– Что это значит? – спросил Максим, озадаченный поведением собеседника.

– Ты смотришь на поверхность вещей, но не видишь их сущность. Это создает иллюзию относительно того, что окружает тебя в данный момент. Мир привык обманывать тебя, а ты привык обманывать мир. Но Небо обмануть невозможно. Оно ВИДИТ тебя – Тенгри сени кортит...

Максим усмехнулся.

– Это алтайское поверье?

Незнакомец пожал плечами:

– Это факт. А сейчас – Тенгри сени пастит...

– А это что?

Алтаец замолчал, словно подбирая наиболее корректный перевод фразы, и затем кивнул на экспозицию. Максим отвернулся, и в этот момент незнакомец наклонился к нему и громко крикнул в самое ухо: «ТЭРЬ!»

Максим отскочил на несколько шагов, повернулся к алтайцу, изумленно рассматривая его. А тот стоял как ни в чем не бывало, продолжая изучать стенд.

«Да он сумасшедший!» Внешний вид этого странного человека не соответствовал подобному определению, но его выходка Максима откровенно испугала, и он решил, что будет лучше поскорее покинуть это, вдруг опустевшее здание.

– Хочешь уйти? – спросил алтаец, не поворачивая головы, и Максим почувствовал, как необъяснимый страх опять

потек по телу холодной волной.

«Точно, сумасшедший. Нужно сваливать отсюда!»

— Ну, допустим, — пробормотал он, растягивая слова, чтобы не выдать своего испуга.

Алтаец улыбнулся:

— Тебе только кажется, что ты можешь уйти, Адучи. На самом деле идти тебе некуда. Только я могу вывести тебя отсюда. — Он повернулся к Коврову, который задохнулся от ужаса. За стеклянной поверхностью очков чернели бездонной пустотой два жутких зрачка. Это были глаза сумасшедшего, сомнений в этом больше не оставалось. Максим судорожно вздохнул и сделал еще несколько шагов назад. Алтаец стоял перед ним, перегородив собой выход, безмолвный и страшный, с безумной улыбкой на темном лице.

Максим повернулся и быстро пошел ко второму выходу из зала, ведущему в смежный зал. Оттуда можно будет подняться на второй этаж и затем спуститься по лестнице и выйти на улицу. Но где гарантии, что этот страшный алтаец не перекроет ему и центральный вход? Тем более что, если он и в самом деле директор этого треклятого музея, просчитать намерение Коврова не составит для него большого труда. Но зачем ему все это? К тому же там все-таки люди: посетители, вахтеры, дежурные. Не будет же он ломать комедию перед своими подчиненными? Или, может, они уже привыкли к подобному поведению своего шефа? Безумие...

Максим осмотрелся. Залы были пусты, посетителей уже

не было, как, впрочем, и сотрудников музея, которые обязаны дежурить в помещениях до ухода последнего человека.

«Прямо сценарий фильма ужасов – жертва в пустом музее и маньяк-директор с секирой, взятой среди экспонатов». Максим чувствовал, что происходит что-то очень страшное и очень важное. Похожее ощущение он испытал несколько дней назад в темном подъезде, схватившись с человеком, который хотел его убить. «Может, они из одной компании? Что им нужно от меня? Твари. Господи, что же это происходит со мной...» Максим стремительно шел по коридорам, автоматически подготавливая тело к возможному поединку. Перед его глазами стояли две картинки – перекошенное ненавистью, окровавленное лицо Злобного и отрешенное лицо жуткого алтайца с парализующим волю взглядом. От такого взгляда не стыдно и убежать, хотя бегство от противника Максим всегда считал ниже своего достоинства. «Ты проиграл не тогда, когда упал на пол весь в крови. Ты проиграл тогда, когда повернулся к своему противнику спиной или встал перед ним на колени». Эти слова сэнсэя Володи бились в ушах призывным кличем. «Вернуться! Вернуться! Вернуться! Иди и дерись! Дерись!»

Максим остановился и, решительно развернувшись, пошел назад. «Действительно, что я, зайчик, что ли, бегать от всяких придурков? Злобный уже свою порцию получил, получит и этот. И не посмотрю, что он директор...»

«Директор» по-прежнему стоял на том же месте в той же

позе, неподвижный, словно элемент музейного интерьера. Максим решительно двинулся вперед, чувствуя, как мелкая противная дрожь резонирует на мышцах ног. А ведь Злобный был куда более опасным противником: чуть выше ростом, чем этот худощавый алтаец, и гораздо более плотного телосложения. Но не было у него таких жутких глаз... Когда до «директора» осталось всего несколько шагов, тот развел в стороны руки, то ли показывая, что не хочет драться, то ли желая обнять вернувшегося. Максим перешел в атакующую стойку, но тут алтаец вдруг снова издал свой истошный вопль, на этот раз гораздо громче первого: «Тэрь! Тэрь! Арк ахаш!!!» И столько безумия было в этом крике, именно безумия, и так контрастно прозвучал он в тишине этого здания, что Максим, дрогнув, замер, словно наткнувшись на невидимую стену и, не выдержав, бросился прочь, к другому выходу.

«Где же люди? Где? Где все? Что же это, а?»

Ковров в два прыжка преодолел зал с экспонатами партизанского движения и оказался у лестницы, ведущей на второй этаж. В это время в музее погас свет. Максим сжался от ужаса и замер, вслушиваясь в окружавшую его теперь со всех сторон тьму.

«Он же меня специально сюда загнал, – мелькнула вдруг внезапная мысль, – гадина, он же все это подстроил...» Ситуация принимала по-настоящему серьезный оборот. Отсюда было всего два пути: обратно в зал, где ждал его этот бла-

гообразный монстр, и на второй этаж, где притаились неподвижные мумии животных с оскаленными мордами. Нужно было стремительно выбирать, какой предпочесть, потому что если продолжать торчать здесь, то его запросто могут запереть на ночь. И неизвестно еще, что задумал этот безумец, и вообще, может быть, он здесь не один.

Словно в подтверждение этих панических мыслей, сверху, из темноты второго этажа, послышался тихий зловещий шепот: «Адучи-ии-ии...» Максим закричал от неожиданности и ужаса, который душил его накидкой из тьмы:

– А-а-а... Иди! Давай, иди сюда, тварь!

– Иду...

По лестнице действительно кто-то спускался вниз, неразличимый во мраке. Максим встал в стойку, но человек во тьме лишь рассмеялся, словно увидев это отчаянное движение в непроницаемой темноте:

– Хочешь сразиться со мной? Хорошо... хорошо... Аксаман тумангол...

Ковров почувствовал, что теряет сознание, и, сделав над собой усилие, из последних сил бросился в непроглядный мрак, прочь от нового преследователя, выставив перед собой руки с напряженными пальцами. Никого не встретив, он миновал злополучный зал с шаманскими принадлежностями и оказался у выхода. За столиком дежурного вахтера сидела перепуганная женщина, напряженно разглядывая включенного посетителя.

– Ты что орешь, парень? Ты откуда взялся вообще? Музей уже закрыт. Ты пьяный, что ли?

Максим подошел к ней и произнес срывающимся голосом абсолютно нелепую фразу:

– А что это вы тут... без света сидите? – Он хотел сказать нечто совсем иное, что он не пьяный, что они обесточивают помещения, даже не убедившись в отсутствии посетителей, хотел узнать, есть ли тут у них этакий благообразный директор с повадками сумасшедшего... Но все эти фразы застряли за нервным спазмом, сковавшим горло.

– Пошли вы все... Уроды! – пробормотал Ковров и вышел из музея на улицу.

От свежего воздуха вдруг сильно закружилась голова, а из носа побежали двумя стремительными струйками капельки крови, падая на рубашку и брюки, расплываясь тут же алыми бесформенными пятнами. Чертыхнувшись, Максим запрокинул голову, уставившись бессмысленным взглядом в темно-синее небо, на котором уже высыпали мерцающие искорки далеких звезд. Кровь остановилась, но на смену ей где-то внутри родилось неприятное томительное чувство, быстро распространяющееся по желудку.

«Этого еще только не хватало», – подумал Максим и сделал несколько глотательных движений, сдерживая рвоту и сплевывая горькую слюну.

Серый асфальт, на котором он стоял, вдруг вздыбился, поднялся и, сделав акробатический кульбит, со всей силы

ударил ему в лицо. Глубокий обморок растворил в себе все переживания и впечатления этого злополучного дня.

* * *

«Самое страшное из того, что я пережил в те дни, было именно ощущение безысходности, чувство того, что жизнь подходит к концу, еще фактически не успев начаться. А все окружающие меня люди упорно не хотели замечать происходящего со мной. И не было никого, кто бы мог выслушать меня без ироничной улыбки. Я чувствовал, что финал где-то совсем близко, я напряженно всматривался в лица прохожих, постоянно ожидая нападения, я молился перед сном, умоляя Бога избавить меня от наваждений. Я перестал выходить из дома. Все вокруг обернулось против меня, и я чувствовал, что если не погибну в ближайшее время, то непременно превращусь в злобного загнанного зверя, готового растерзать все и вся. Злоба на равнодушные людей переполняла меня до отказа. Иногда я ловил себя на мысли, что это не мои ощущения. Что кто-то чужой, ловко маскирующийся под мои размышления, заставлял меня бояться и ненавидеть. Но я ничего не мог поделать ни с этими ощущениями, ни с тем, что происходило вокруг меня. Я ждал... Ждал непонятно чего, но грядущего неизбежно. Я тренировался на износ. На тренировке в зале, дома, по шесть – восемь часов в день, истязая себя с яростью обреченного, хотя пре-

красно понимал, что ни джиу-джитсу, ни карате не смогут мне помочь в моем столкновении с неизвестностью. Зубодробительные навыки, действенные в этом мире, теряли свою значимость в иллюзорном пространстве, сотканном из грез. Сны угрожали поглотить мою душу, но самое ужасное было в том, что наваждения вырвались за границы снов, проникая в этот мир, в котором я, хотя бы в дневные часы, чувствовал себя в относительной безопасности. Теперь я уже не мог расслабиться ни на секунду, я на самом деле был обречен».

Максим лежал на диване в гостиной и, слушая умиротворяющий шелест листвы, проникающий сквозь открытую балконную дверь, размышлял:

«Сны. Сны. Сны. Причиной моего последнего обморока были не сны, а вполне реальный сумасшедший придурок в дорожном цивильном костюме. Этот голос из темноты... Откуда они взялись? Злобный... Что это, случайное стечение обстоятельств? Маловероятно. И дернуло же его сунуться в этот треклятый музей. Что-то там определенно нечисто, в этом музее. Вообще, странно все...»

Тягучую нереальность происходящего, вот что ощущал он тогда. Это ощущение и делало происшествие очень похожим на наваждение. Но в чем тогда причина этой «нереальности», что послужило отправной точкой, включающей это странное состояние? Вот! Если установить момент вхожде-

ния в «наваждение наяву», тогда можно будет установить и причину, повлекшую это безумие. Что может выступить в роли подобного катализатора? Страх? Шок от контрастных действий этого типа – псевдодиректора: солидный костюм и аномалии поведения, тишина музея и истошные крики, наличие в здании персонала и манипуляции со светом – все это в совокупности, вероятно, и породило двойственность восприятия, характерную для людей, принявших наркотик. Иллюзорный мир накладывается на опостылевшую действительность, и получается этот двойственный мир, пока в крови циркулирует наркотик. Время для него останавливается и... Стоп! Стоп, стоп, стоп. Время останавливается. Мир вокруг становится другим, более медленным. Вот оно! Максим почувствовал ирреальность восприятия, когда обратил внимание на часы. Значит, *это* случилось несколько раньше, чем встреча с алтайцем. Но что могло ввести его в это одуряющее состояние?

«...пока наркотик циркулирует в крови». Этот вариант объяснял все: и нереальность происходящего, и обостренное восприятие, и этот полный отруб в довершение ко всему. И этот вопрос был задан вахтершей не случайно: «Парень, ты что орешь? Ты пьяный, что ли?»

«Пьяный»! Его «штормило» из стороны в сторону, как он думал – от нервного перевозбуждения. А невнятная речь, а сухость во рту, а спазм в горле, кровотечение, потеря сознания...

Вся эта кутерьма со временем началась, когда он закончил изучать «Товары из Монголии», значит...

ЗАПАХ!!! Терпкий аромат, принятый Ковровым за духи призрачной посетительницы, силуэт которой мелькнул в отражении стеллажа. Он больше напоминал какой-то газ или что-то в этом роде, точно! Это действительно все объясняло. Кому только понадобилось это, вот в чем вопрос? Кому нужно было травить его газом, а затем пугать до обморока? Кто они, эти люди, и что им нужно от него? И самое главное: связан ли этот инцидент с нападением Злобного и с ночными «выворотами» или это просто совпадение?

От возбуждения Максим встал с дивана и, пройдясь по комнате, вышел на балкон. Ответы на эти вопросы необходимо было найти в самое ближайшее время, иначе...

* * *

Максим выгнулся, испытывая мучительно болезненный спазм, скрутивший все тело острой болью, и вместе с одеялом рухнул с кровати на пол, забившись в судорогах. На этот раз он все-таки закричал, не в силах терпеть эту адскую пытку. И тут же услышал сквозь ватную пелену, заложившую уши, тревожный голос бабушки из соседней комнаты:

– Максим, что с тобой?

Преодолевая невыносимую боль в ногах и пытаясь более или менее связно мыслить, он приподнялся на руках и про-

бормотал сквозь сжатые зубы:

– Ничего. Все нормально. Ногу свело.

А мышцы словно кто-то натягивал, подобно струнам на гитаре, добиваясь того, чтобы каждый нерв звучал болезненным аккордом. Откинувшись на кровати и закусив зубами край одеяла, чтобы подавить новый крик, Максим принялся медленно и осторожно массировать икры и ступни.

– Бабушка, правда, все нормально, спи...

Через несколько минут, когда боль немного отступила, он встал на дрожащие ноги, держась рукой за стену. Вот так, нужно идти. Попробовать добраться до ванны и туалета. Жжение, возникшее в животе, вполне могло спровоцировать рвоту. Так было уже не раз. А сегодня вообще был особенный случай – Йорм и Зеркальщик накинулись на него, жала электричеством и ослепляя болезненными вспышками, словно пытаясь разорвать на части. Все симптомы, сопровождающие «выворот», могут сегодня многократно усиливаться, учитывая интенсивность наваждения и его невероятный динамизм. Да-а. Опираясь о стену, Максим медленно миновал темный коридор, где, как всегда, лежал у двери, неразличимый во тьме, Арчи. Собака встала и тоже медленно пошла рядом, словно поддерживая изнеможенного хозяина.

Вот и ванная. Свет больно резанул по глазам, и Максим тут же погасил его. Подошел к раковине, включил холодную воду и ополоснул лицо. Сразу стало легче. Жжение уже почти прошло, и тело даже не испытывало болезненных ощу-

щений, кроме странного чувства, возникшего на фоне всей этой «послевыворотовой» ломки.

Ощущение потерянности, безысходности и тоски. Безразличие к своей судьбе птицы, отбившейся от стаи и приготовившейся умереть. Максим, уткнувшись горячим лбом в прохладную поверхность зеркала, тихо прошептал, вглядываясь в черноту своих глаз:

– Что же это, а?

Ответа не было. Лишь Арчи отчетливо вздохнул в темноте.

«Вззумм».

Максим прислушался. Какой-то непонятный звук возник на периферии слуха, будто звякнул в пространстве и умолк электрический звонок незнакомой конструкции.

«Взз-уумм. Взззуу-ммм...»

Это напоминало что-то вроде жужжания механических пчел из детской сказки, словно роящихся в нетерпении где-то в районе кухонного окна, пытаясь проникнуть в квартиру через дребезжащее стекло. Сильно сдавило виски.

«Вззз-з-з-уум-ммм». Максим пошатнулся, вцепившись обеими руками в скользкую поверхность раковины. Давление на мозг усилилось. В районе солнечного сплетения появилась легкая вибрация, аналогичная той, которая всегда возникала в наваждении в предшествии «выворота». Темнота вокруг просветлела, хотя никто не включал свет.

«Господи, только этого еще мне не хватало сейчас».

«Вззззуууммммм».

В глазах замелькали крохотные черные тени, похожие на кофейные зерна, снующие по бледно-лимонному фону пожелтевших вдруг стен. Вокруг все вибрировало и светилось. Это было уже по-настоящему жутко, потому что это был уже не сон.

Максим хрипло прошептал: «Арчи... Арчи» – и опустился на одно колено, чувствуя, что его заваливает куда-то в сторону. Пес зарычал, и от этого звука мир колыхнулся. Максим судорожно вздохнул и хотел позвать на помощь, но не успел. Мир наклонился и ухнул куда-то влево и вниз, в темноту.

Прикосновение. Холодное и освежающее. Максим быстро заморгал, чувствуя, как тяжелые веки с трудом слушаются волевых команд. Тело не ощущалось совсем, как будто его не было, а осталась только одна голова, свободная от мыслей. Это было не очень приятное ощущение, вернее не очень привычное, так как приятным было уже хотя бы то, что голова эта жива, а значит, скоро оживет и все тело. А пока нужно лежать и ждать. Ждать, когда вернется способность двигаться, чувствовать, видеть, наконец. Глаза по-прежнему были скованы темнотой, и у этой темноты было приятное и одновременно раздражающее прикосновение. Лицо было мокрым, то ли от слез, то ли... Максим вдруг понял, что это, – пропитанное водой полотенце лежит у него на лбу, закрывая глаза. Он пошевелился и приподнял голову.

Свет в ванной был включен, дверь закрыта. Над ним склонились двое – черный угрюмый пес и встревоженный отец.

Через несколько минут, когда к Максиму вернулась способность двигаться и говорить, он встал на ноги и тут же обессиленно сел на край ванны, опустив голову на грудь. Отец шепотом спросил:

– Ну, ты как, нормально?

Максим кивнул и прерывающимся голосом прошептал невпопад:

– Тьма вокруг. А он меня молнией хлестанул. – Фраза прозвучала глупо и непонятно. Мысли еще вяло ворочались в голове, и нужно было напрягаться, чтобы не молоть чепухи. Хотя отчего-то именно сейчас хотелось говорить, говорить, говорить. Выложить все сразу, в надежде, что отец поймет. Это же отец! Пусть не помочь, но понять-то должен! Ковров-старший тоже присел рядом на ванну, придерживая одной рукой сына, а другой – нервно поглаживая черного Арчи по голове.

– Макс, тебе не кажется, что настало время поговорить?

Это был не просто формальный вопрос, это был призыв к откровенности, той откровенности, которая казалась Максиму уже потерянной навсегда. Он вздохнул, чувствуя, как пустота внутри покрылась мелкой рябью.

– Мне плохо пап, очень плохо...

– Я знаю.

– Только ты маме не говори и бабушке.

– Конечно. Зачем их беспокоить? Давай уж будем сами разбираться с этой чертовщиной.

Арчи уткнулся холодным мокрым носом Максиму в ладонь, словно давая понять, что он тоже здесь, рядом, как всегда.

«12.07.92 г., время – 18.36 (вечер)

Беседовал с отцом. Он сказал, что у него есть один знакомый, который может мне помочь. Он якобы очень авторитетный специалист в научном мире – возглавляет научный отдел в каком-то известном НИИ в Новосибирске, а также является директором Центра нетрадиционных технологий, который занимается, помимо прочего, исследованием физиологических и нервно-психических патологий. Отец с этим профессором разговаривал, и тот пригласил в Новосибирск на обследование.

Лично я отнесся к этому эксперименту скептически, но отец настаивал, и я согласился. В моем положении выбирать не приходится, цепляюсь за любую возможность – а вдруг?»

«13.07.92 г., время – 9.15 (утро)

Всю ночь не спал. Еще один подобный „выворот“ я уже точно не переживу. Выпил семь чашек кофе и до шести утра умывался холодной водой. Делаю эту запись в автомобиле – едем в Новосибирск. Чувствую себя отвратительно.

...время – 12.36 (день)

В Новосибирск приехали в самое пекло и долго искали нужный адрес. Наконец нашли – убогое трехэтажное здание с обшарпанными стенами...»

Внутреннее убранство центра совсем не соответствовало внешнему виду здания. Сразу бросалось в глаза обилие всевозможной техники в приоткрытых кабинетах: огромные камеры, напоминающие центрифуги, рентгенотелевизионные аппараты, компьютеры, осциллографы, генераторы...

Максим с изумлением смотрел на все это технологическое изобилие и думал с тайной надеждой, что, возможно, именно здесь все и закончится – и эти кошмарные наваждения, и эти визиты полупризрачных существ, и эти «вывороты», терзающие тело невыносимой болью.

Их с отцом проводила в приемную директора очень симпатичная молодая девушка в серо-голубом комбинезоне и предложила холодную минералку, сообщив, что придется немного подождать, директор занят.

Ожидание затянулось на полчаса, в течение которых Максим мучительно боролся с охватывающей его сонливостью, сопровождаемой жаром. Это начинали проявляться привычные уже «послевыворотные» симптомы. Ковров-старший беспокойно посматривал на сына и напряженно – на шикарную дверь с серебристой табличкой, надпись на которой Максим уже не мог различить из-за сонной дымки, окутывающей сознание. Устав наконец бороться с дремой, он закрыл

глаза, чувствуя, как жар растекается по всему телу горячей волной. Затем, видимо, он все-таки заснул, потому что очнулся оттого, что отец тряс его за плечо. Открыв глаза, Максим с усилием сфокусировал непослушное зрение на окружающих его людях и тут же откинулся назад, на спинку стула. Перед ним, улыбаясь и внимательно рассматривая его, стоял генеральный директор Центра нетрадиционных технологий. Рядом с ним стоял обеспокоенный отец.

– Максим, познакомься – это профессор, который будет тебя лечить, мой старый знакомый, Араскан Чадоев.

Чадоев протянул руку, но Максим шарахнулся в сторону, словно в ней была зажата змея. Его всего трясло, но не от температуры, а от ужаса, который пронзительным холодом остудил жар. Перед ним стоял тот самый алтаец, человек из музея, который напугал его до потери сознания несколько дней назад...

3. ОСКОЛКИ ЗЕРКАЛА

Охотник

(Главы-реконструкции, 1999 г., Москва)

Медведь

Пенсионер Лагутин проснулся фактически сразу после погружения в сон и теперь лежал в темноте с широко раскрытыми глазами, прислушиваясь к затихающему звуку, разбудившему его. Сердце бешено колотилось в груди, распространяя эту дрожь по всему телу. Лагутин облизал пересохшие губы и, восстанавливая дыхание, затравленно осмотрелся. В комнате было темно, за окном – ночь. Причиной его пробуждения был не страшный сон. Нет, наоборот, сегодня сны обещали быть даже добрыми – Лагутин видел себя в детстве. *Это* пришло позже, ворвалось в сновидение яростным ураганом, криком боли и отчаяния, зовом о помощи. Кто-то *из них*, один из эргомов, умирал где-то совсем рядом, агонизируя напоследок своим слабеющим энергетическим полем. Кто же?

Подобное ощущение последний раз Лагутин пережил, ко-

гда погиб в 67-м Умник. И еще много раз до этого, в пятидесятых, особенно в тот день... Тогда *это* чуть не выжгло ему нервную систему – несколько энергетических импульсов большой силы обожгли его душу обличающими языками невидимого пламени. Со временем «ожоги» прошли, но это ощущение Лагутин запомнил на всю жизнь, даже придумав ему название – «Последний Крик». Но это было тогда! Значит, сейчас это кто-то из их пятерки, больше некому. Телефонный звонок прозвенел в коридоре, будто подтверждая его предположение.

– Слушаю...

– Хорошо слушаешь? Предсмертные вопли слышал?

– Кто это?

– Медведь, это Хан. Просыпайся уже.

– Я не сплю.

– Значит, слышал?

– Слышал... Кто это?

– Пока не знаю, но очевидно, что кто-то из наших. При чем, если я не ошибаюсь, это уже второй. Не ты, не я, значит, это либо Ловкач, либо Циклоп, либо Лесник.

– Боже... Мне показалось... что это был Лесник, хотя я не уверен. А тогда, в первый раз, похоже – Циклоп...

– Да? Значит, скорее всего, это они. Я сейчас разыщу Ловкача, нужно встретиться.

– Когда?

– Как можно скорее. Я перезвоню тебе через десять ми-

нут, сиди у телефона.

Лагутин, он же Медведь, зябко поежился, осматриваясь вокруг. Хан почему-то выбрал именно это место – заброшенный сектор одного из парков на самой окраине Москвы. Более унылое место просто трудно себе представить, оно очень сильно подавляло и без того издерганную психику. Последние годы почти уже принесли долгожданный покой и уверенность, что все позади. Оказывается, нет. Последние несколько часов опять всколыхнули самые мучительные страхи и предчувствия. «Циклоп и Лесник мертвы. Что же это делается? И как этот дьявол, Хан, нашел его? Это просто невероятно, через столько лет...»

Медведь поискал глазами место, куда можно сесть, и неторопливо направился к одинокой скамейке, стоящей неподалеку, на обочине одной из клумб. Пока он шел, рука нащупала в кармане плаща шероховатую поверхность рукоятки пистолета. Он приобрел оружие несколько месяцев назад, когда вдруг почувствовал смутное беспокойство, не обусловленное какими-либо конкретными причинами. Купить сейчас оружие в Москве было несложно, особенно если имеешь деньги и кое-какие связи. Из всех предлагаемых образцов Медведь выбрал австрийский «Глок», облегченный пистолет, имеющий надежную репутацию на рынке контрабандного оружия. Теперь это изделие австрийских оружейников приятно отягощало карман Лагутина, внушая какую-то необъяснимую уверенность, которую не мог обеспечить ему

слабеющий со временем Дар.

Медведь тяжело опустился на трухлявую скамейку и, закрыв глаза, стал неторопливо сканировать местность. Он кропотливо составлял карту своих ощущений, группируя окружающие его излучения по степени их потенциальной опасности. Вокруг никого не было. Даже птиц и бродячих собак. На редкость унылое место. Воспоминания все-таки проскользнули из кладовых памяти, воспользовавшись тем, что отсутствие людей и нелюдей позволило Медведю хоть на мгновение расслабиться за последние несколько часов. Он продолжал сидеть, не открывая глаз, зная, что все равно почувствует, если кто-то появится в парке.

«Нужно было давно бежать отсюда. Давно. Одному, а не тащить за собой хвост из этих выроdkов». ВЛАСТЬ и БОГАТСТВО. Медведь уже давно не чувствовал внутри той пружины, которая толкала его вперед. Только усталость и желание отдохнуть наконец от этой изматывающей гонки. Сегодня погиб Лесник. Для него этот забег подошел к концу. Но ведь кто-то наверняка помог ему в этом. Эргом не может умереть вот так, вдруг, случайно. Тем более что это был второй труп за последние две недели. К черту!!! Нужно было бежать, бежать, бежать. Сколько раз тогда, пятьдесят лет назад, он прокручивал в голове планы бегства. Делал это у себя в ванной, экранировав голову самодельным шлемом со свинцовой обкладкой, надеясь, что это избавит его от возможного «мысленного контроля». Ходили слухи, что

среди эргомов Второй волны есть и такие – «слухачи», способные влезать в разум человека, читая его, словно открытую книгу. Медведь не верил в то, что они могли брать большие расстояния, даже с помощью «Большого Уха», спрятанного в одном из московских ангаров, принадлежащих МГБ. Он и сам был способен определить эмоциональное состояние собеседника с точностью до визуальных образов, возникающих у того в голове. Но это отнимало уйму энергии и срабатывало только при непосредственном контакте. В радиусе десяти метров он мог лишь чувствовать побуждения человека – гнев, недоверие, агрессию, симпатию... Свыше этого расстояния фокус терялся, и удавалось лишь улавливать смутные тени далеких чувств. Но слухи ходили, и исключать подобную возможность было нельзя. Поэтому Медведь надевал на голову эту мысленепроницаемую кастрюлю и думал, думал, думал. То, что их, эргомов, не отпустят за стены Института, было очевидно: слишком большие вложения средств и времени, слишком высокий уровень секретности и важности данной программы, слишком большие возможности даны были им, чтобы позволить затем направить их на реализацию каких-либо других планов, не посвященных реализации Проекта...

Первым попробовал бежать Филин, затем Витязь и Комар. А потом, в один из вечеров, раздался в пространстве этот ужасающий «Последний Крик», означающий смерть неудачливых беглецов и оглушивший и парализовавший

оставшихся в живых эргомов. Медведь тогда мучительно искал выход из сложившейся ситуации, но Случай все решил за него. Смерть Вождя послужила отправной точкой в осуществлении намеченного плана. С Медведем связался Оберон и сам предложил побег. Как он выразился – «эксфильтрацию из зоны повышенного внимания силовых ведомств». Медведь понял – вот он, единственный шанс! Из этой мясорубки живыми их вытащить могли только ИВАН и Оберон. Все остальные варианты были заранее обречены на провал.

И он согласился, совершенно потеряв голову от страха за свою только начинавшуюся жизнь, за свои новые способности, которые открывали ему возможность по-новому прожить эту жизнь. Но все с самого начала пошло не так, как хотелось. Оказалось, что план побега вынашивается среди эргомов уже давно, и некоторые даже набрались смелости объединить свои чаяния на свободу. В Отделе появилась тайная группа, которая намеревалась не только преодолеть силовые заслоны Института, но и продолжать затем действовать вместе, используя многократно усиленные совместным намерением потенциалы эргомов. Медведь не знал всех этих подробностей, и это незнание сделало его жертвой обстоятельств, которые совсем не входили в его планы. Оберон все сделал, как обещал: тех эргомов, которые хотели бежать, вывезли за пределы охраняемой спецзоны Института на автобусе с зашторенными окнами, в сопровождении трех вооруженных охранников. Автобус должен был

перевезти их в пригород, откуда, согласно договоренности с Обероном, всех эргомов должны были вывезти в безопасное место, снабдив необходимыми документами. Но ощущение близкой свободы сыграло с беглецами дурную шутку. Они решили воспользоваться случаем, твердо решив жить теперь только по своим правилам. Перед Обероном у них не было никаких обязательств, а об обязательствах Медведя никто из них не знал. Все охранники были умерщвлены в течение нескольких секунд, и группа из шести эргомов бесследно растворилась в этом огромном муравейнике под названием «Москва». Медведь был в шоке, но дело было сделано и ему ничего не оставалось, как принять все как есть, и нести с собой из года в год этот тяжкий груз измены и предательства людям, которых он безмерно уважал, перед которыми преклонялся. Но эти уроды с маниакальной жадой ВЛАСТИ все сделали по-своему. Что ж, за все нужно платить, и за «бессмертие» тоже. Это правильно. И вот, скорее всего, процесс погашения задолженности уже начался: Циклоп и Лесник. Кто следующий?

Медведь почувствовал, как все тело охватывает мелкая отвратительная дрожь, не связанная с утренней прохладой... Воспоминания все-таки настигли его.

...Дед заставил его снять всю одежду и сложить рядом, около огромной туши убитого медведя, лежавшей в невысокой зеленой траве, подмятой этим массивным мертвым те-

лом.

– Все скидывай, Сашка, не бойсь, не замерзнешь. Дед склоняется над медведем и достает из поясного чехла большой охотничий нож. Хищное лезвие бликует в солнечных лучах, которые стекают по острию, словно золотистая кровь.

– Садись на колени, вот сюда, к голове. Положи руки ему на башку. Да не сюда, олух, на лобешник.

Мальчик робко кладет тонкие руки на огромную лобастую голову с закрытыми глазами и торчащим из оскаленной пасти синеватым прокушенным языком.

Прикосновение к мертвому телу, покрытому густой слипшейся шерстью, вызывает содрогание. Дед подходит сзади и шепчет на ухо:

– Проси у него силы медвежьей...

– Мишка, мишка, дай мне силы...

Мертвое тело вздрогнуло, и мальчик, ойкнув, вскочил на ноги. Но, оказывается, это дед вонзил свой гигантский нож в медвежью грудь. Резко запахло кровью.

Нож уверенно вспарывает жесткую шкуру таежного царя. Дед запускает внутрь свои крепкие жилистые руки и, пошарив там, в несколько резких движений достает наружу окровавленный кусок мяса. Протягивает внуку и говорит благоговейно:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.